

Неожиданно берет у Саямина ружье и
пешит на шаг. Вон отсюда.

Александр

ВАМПИЛОВ

Набрание

Александр Валентинович Вампилов Прошлым летом в Чулимске

OCR sardonios

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159850

Александр Вампилов. Избранное: Согласие; 1999

ISBN 5-86884-020-8

Аннотация

Первоначальное название – «Валентина». Вампилов вынужден был изменить название из-за того, что, пока пьеса, следуя участи всех вампиловских произведений, проходила многочисленные стадии утверждений, а точнее – неутверждений, стала широко известна пьеса М. Рождина «Валентин и Валентина», написанная позднее. Название было изменено на «Лето красное – июнь, июль, август...» Однако оно не удовлетворяло драматурга. Во время работы над своим первым однотомником (вышедшим в изд-ве «Искусство» уже после смерти автора) Вампилов дал пьесе «рабочее» название «Прошлым летом в Чулимске», которое и оказалось окончательным.

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	5
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	74
ПРИМЕЧАНИЯ	120

Александр Вампилов

Прошлым летом

в Чулимске

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ШАМАНОВ

ПАШКА

ПОМИГАЛОВ

ДЕРГАЧЕВ

МЕЧЕТКИН

ЕРЕМЕЕВ

ВАЛЕНТИНА

КАШКИНА

ХОРОШИХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро

Летнее утро в таежном райцентре.

Старый деревянный дом с высоким крыльцом, верандой и мезонином.

За домом возвышается одинокая береза, дальше видна сопка, внизу покрытая елью, выше – сосной и лиственницей. На веранду дома выходят три окна и дверь, на которой прибита вывеска «Чайная». Перед мезонином небольшой балкончик, и дверь на него чуть приоткрыта, внизу окна закрыты ставнями. На одной из ставен висит бумажка, должно быть, распорядок работы чайной. Здесь же, на веранде, стоит несколько новеньких металлических столов и стульев. Слева от дома – калитка и скамейка, а дальше высокие ворота. Начинаясь за воротами, вверх к дверям мезонина ведет лестница с перилами. На карнизах, оконных наличниках, ставнях, воротах – всюду ажурная резьба. Наполовину обитая, обшарпанная, черная от времени, резьба эта все еще придает дому нарядный вид.

Перед домом – деревянный тротуар и такой же старый,

как дом (ограда его тоже отделана резьбой), палисадник с кустами смородины по краям, с травой и цветами посередине. Простенькие бледно-розовые цветы растут прямо в траве, редко и беспорядочно, как в лесу.

Палисадник расположен так, что для посетителей, направляющихся в чайную с правой стороны улицы, он выглядит некоторым препятствием, преодолеть которое должно, обойдя его по тротуару, огибающему здесь половину ограды палисадника. Труд этот невелик – в обход шагов десятков, не более того, но по укоренившейся здесь привычке посетители, не утруждая себя «лишним шагом», ходят прямо через палисадник. Следствием этой манеры является неприглядный вид всего фасада: с одной стороны из ограды выбито две доски, кусты смородины обломаны, трава и цветы помяты, а калитка палисадника, которая выходит прямо к крыльцу чайной, распахнута и болтается косо на одной петле. У крыльца на веранде лежит человек. Устроился он в углу, незаметно. Из-под телогрейки чуть торчат кирзовые сапоги – вот и все. Сразу и не разглядишь, что это человек. Первоначальная тишина и неподвижность картины нарушаются лаем собак где-то по соседству и отдаленным гудением мотора. Потом шелкает заложка большой калитки и появляется Валентина.

Валентине не более восемнадцати лет, она среднего роста, стройна, миловидна. На ней ситцевое летнее платье, недорогие туфли на босу ногу. Причесана просто. Валентина направляется в чайную, но на крыльце неожиданно останавли-

вается и, обернувшись, осматривает палисадник. Бегом – так же как и поднялась – спускается с крыльца. Она проходит в палисадник, поднимает с земли вынутые из ограды доски, водворяет их на место, потом кое-где расправляет траву и принимается чинить калитку. Но тут калитка срывается с петли и хлопает о землю. При этом человек, спящий на веранде и ранее Валентиной не замеченный, неожиданно и довольно проворно поднимается на ноги. Валентина слегка вскрикивает от испуга. Перед Валентиной стоит старик невысокого роста, сухой, чуть сгорбленный. Он узкоглаз, лицо у него темное, что называется, прокопченное, волосы седые и нестриженные. В руках он держит свою телогрейку, а рядом с ним лежит вещевой мешок, который он, очевидно, подкладывает под голову. Его фамилия Еремеев.

ЕРЕМЕЕВ. Ты почему?

Валентина молчит. Испуг еще не прошел, и она смотрит на Еремеева широко раскрытыми глазами.

Почему? Зачем кричать?

ВАЛЕНТИНА. Ой, как вы меня напугали...

ЕРЕМЕЕВ. Напугал?.. Почему напугал? Я не страшный.

ВАЛЕНТИНА. Нет, вы страшный, если неожиданно...

(Улыбается.) Извините, конечно...

ЕРЕМЕЕВ (улыбается). Зачем бояться? Зверя надо боять-

ся, человека не надо бояться.

ВАЛЕНТИНА. Уже не боюсь... (Снова возится с калиткой.) Помогите, пожалуйста.

Еремеев спускается с крыльца.

Подержите мне ее... Вот так...

Вдвоем они наладили калитку.

Ну вот, большое вам спасибо... Я вас разбудила?

ЕРЕМЕЕВ (кивает). Разбудила. (Кашляет.)

ВАЛЕНТИНА (поднимается на крыльцо). Как же вы здесь спали?... Холодно же. Да и жестко, наверно... Постучались бы.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем стучаться? Зимой надо стучаться... Ты Афанасия знаешь?

ВАЛЕНТИНА. Афанасия?... А вы к нему?

Еремеев быстро кивает.

Так он сейчас придет. Сюда.

ЕРЕМЕЕВ. Сюда?

ВАЛЕНТИНА. Должен прийти. Он сейчас здесь работает, чайную ремонтирует... Да вы лучше к нему сходите. Вон их дом (показывает), два окна... Знаете?

ЕРЕМЕЕВ. Сейчас придет – тут его подожду.

ВАЛЕНТИНА. Как хотите... (Ключом открывает дверь чайной.) Да вы садитесь, чего зря стоять. Присаживайтесь.

В это время с громким стуком распахивается дверь на балкончике мезонина. Валентина, которая в это мгновение заходит в помещение чайной, на секунду замирает на пороге. На балкончике мезонина появляется Кашкина. Прищурясь, она смотрит на улицу.

Кашкиной двадцать восемь лет, не меньше, но и не больше. Она привлекательна. Недлинные прямые волосы, до сего момента непричесанные. Чуть близорука и впоследствии появится в очках. Сейчас она босая, в домашнем халате.

КАШКИНА (негромко). Ну вот... День будет отличный – опять...

Валентина исчезает в помещении чайной и поспешно закрывает за собой дверь. Еремеев присел на стул, сидит неподвижно.

Послушай, почему мне так не везет? (Обращается к кому-то находящемуся в комнате, но говорит, не оборачиваясь, глядя на улицу.) В мае здесь стояла замечательная погода, помнишь? Так вот. Я ухожу в отпуск – начинается дождь. Приезжаю в город – там идет дождь. Еду к тетке, ну, думаю,

наконец позагораю. Заявляюсь – и там дождь. А за день до моего приезда было солнце. (Расчесывает волосы.) Возвращаюсь сюда, выхожу на работу, и вот пожалуйста: прекрасные деньки. Ужас какой-то... (Приостанавливает руку с расческой.) Послушай. Ты ждал меня хоть немного?.. Или вовсе не ждал? (Мгновение ждет ответа, потом продолжает расчесывать волосы, усмехается.) Ладно, можешь не отвечать. Не затрудняй себя. Это я так спросила, от нечего делать... А все же денек сегодня будет чудесный. Послушай-ка! Идем сегодня на танцы... А почему бы и не пойти?.. Ну да, сейчас ты скажешь, что это безумие, что для танцев ты уже устарел, – я уже знаю, что ты скажешь... Что?.. Молчишь. Значит, все правильно... Ну ладно, я ведь только предлагаю... Заварить тебе чаю?.. (Ждет ответа, потом оборачивается.) Чаю тебе заварить?.. Неужели уснул?.. Успел уже... (Помолчав.) Ну и спи. (Не без горечи.) Спать – на это ты способен. Это единственное, что тебе еще не надоело... Ну и ладно. Ну и спи себе. (Уходит с балкончика.)

С правой стороны улицы появляется Мечеткин. Ему около сорока лет. Он в новом сером костюме, в потешной зеленой шляпе, при галстукке. Держится он до странности напряженно, явно напуская на себя начальственную строгость, руководящую озабоченность. Старается говорить низким голосом, но часто срывается на природный фальцет. Он приближается к ограде, вынимает из нее одну доску, пытается протиснуться, но безуспешно – мужчина он, что называется,

в теле. Вынимает другую доску и проходит через палисадник, оставляя за собой открытую калитку. При его появлении Еремеев поднимается и собирает свою постель: складывает в мешок телогрейку.

МЕЧЕТКИН. Что такое?.. (Строго.) Ты что тут делаешь?

Еремеев молчит.

А?.. Спал, что ли?

ЕРЕМЕЕВ (кивает головой, улыбается). Отдыхал маленько.

МЕЧЕТКИН. Отдыхал, значит?.. (Язвительно.) Ну и как ты отдохнул?

ЕРЕМЕЕВ (простодушно). Хорошо отдохнул.

МЕЧЕТКИН. Так, так... Ну, а кто тебе разрешил?.. А?.. Я вопрос задаю, кто тебе разрешил здесь спать?.. (Стучит в дверь.)

Еремеев молчит. Валентина появляется на пороге. На ней белый фартук.

(Приподнял свою шляпу, заговорил любезно.) Работникам общепита...

ВАЛЕНТИНА. Доброе утро.

МЕЧЕТКИН. Ну и как оно... Как дела? Как настроение?

ВАЛЕНТИНА. Спасибо, хорошо.

МЕЧЕТКИН. Впечатление производите положительное...

ВАЛЕНТИНА (смеется). Неужели?

МЕЧЕТКИН. Определенно, определенно...

ВАЛЕНТИНА. Вы, Иннокентий Степанович, я гляжу, сегодня в хорошем настроении...

МЕЧЕТКИН. А где же буфетчица? Еще не пришла? (Смотрит на часы.) Опять она задерживается.

ВАЛЕНТИНА. Не волнуйтесь, сейчас придет. Садитесь, обождите минутку... (Исчезает.)

МЕЧЕТКИН (прошелся по веранде). Так, так... А ведь ты мне так и не ответил. Кто разрешил тебе здесь спать?.. А? Гостиница тут, что ли?

ЕРЕМЕЕВ. Ночью пришел, из тайги пришел...

МЕЧЕТКИН. Видать, что из тайги... А зачем? По какому поводу?

ЕРЕМЕЕВ. По делу пришел.

МЕЧЕТКИН. По делу, говоришь?.. Знаем мы ваши дела. Налижетесь, понимаете ли, и все дела. А пришел, так иди в гостиницу. На общем основании.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем в гостиницу. У меня друг есть. Афанасий. Будить его не стал.

Появляется Хороших, женщина лет сорока пяти. Она моложава на вид, энергична, в движениях смела и размашиста. Одета щеголевато.

МЕЧЕТКИН (Еремееву). Будить не стал, скажи какой стеснительный. А в общественном месте валяться нестеснительный?.. Вот друг, понимаете.

ХОРОШИХ (Мечеткину). Дай пройти. Чего опять разоряешься? (Еремееву.) Никак Илья?

ЕРЕМЕЕВ. Илья, Илья...

ХОРОШИХ. Здравствуй-ка, Илья!

ЕРЕМЕЕВ. Здравствуйте, здравствуйте!

ХОРОШИХ (проходит в помещение чайной, на пороге). Здравствуй, Валентина.

МЕЧЕТКИН (разглядывает свои часы). Так, так...

Хороших появляется и открывает ставни одного из трех окон. В этом окне оказывается витрина буфета, весы, бутылки на полке и прочее.

Между прочим, уже десять девятого.

ХОРОШИХ. Ну и что?

МЕЧЕТКИН. Опоздываете, Анна Васильевна. Раньше вставать надо.

ХОРОШИХ. Тебя я не спросила. (Исчезает за дверью. Тут же появляется в буфете за окном. Еремееву.) Давненько ты здесь не заявлялся.

ЕРЕМЕЕВ. Давно, давно.

МЕЧЕТКИН (Хороших). Имейте в виду, дисциплина у

нас для всех существует. Положение общее.

ХОРОШИХ. Да отстань ты, дай с человеком поговорить.

МЕЧЕТКИН. Смотрите, Анна Васильевна. Вы ведь не в первый раз, вы систематически задерживаетесь, так что имейте в виду... Мне две яичницы, простоквашу, хлеб и стакан чаю... Имейте в виду, на вас и так сигналы поступают...

ХОРОШИХ. Да иди ты со своими сигналами. Ты лучше скажи мне, когда ты женишься.

МЕЧЕТКИН. То есть?.. Что вы этим хотите сказать?

ХОРОШИХ. А то сказать, что давно тебе пора. Уж я жду, жду...

МЕЧЕТКИН. Гм... А ваше-то, между прочим, какое до этого дело?

ХОРОШИХ. Да как же. Женился бы, так, слава богу, сюда перестал бы ходить. Дома бы питался. Вот бы удружил так удружил. Зато жене твоей я бы не позавидовала.

МЕЧЕТКИН. Анна Васильевна!.. Вы забываетесь, между прочим.

ХОРОШИХ (пишет на бумажке. Громко). Валентина! Две яичницы! (Подает Менеткину хлеб и талоны.) Ешь да помолчи немного. (Еремееву.) А ты, Илья? Завтракать будешь?

ЕРЕМЕЕВ. Спасибо, спасибо.

В буфете раздается телефонный звонок.

ХОРОШИХ (поднимает трубку). Столовая слушает...

Доброе утро... Открылись... Ремонт? Идет ремонт, заканчиваем... Нет-нет, полный день работаем, до десяти... Да вот, вдвоем пока управляемся, остальные в отпуске... Когда пожелаете, вам мы всегда рады... Доброго здоровья. (Положила трубку, Еремееву.) Ты когда пришел?

ЕРЕМЕЕВ. Ночью пришел.

ХОРОШИХ. Спал где же?

МЕЧЕТКИН. Тут и спал. Вот еще тоже. Тут люди питаются, понимаете ли... (Проходит в чайную.)

ХОРОШИХ. А че же ты не постучался? Или забыл, где живем?

ЕРЕМЕЕВ. Не забыл.

ХОРОШИХ. Так че же ты?.. Разве в доме места мало?.. А тут нынче у нас, наоборот, тесно. Видишь, на веранде пока обходимся. Ремонт у нас.

МЕЧЕТКИН (появляется с едой на подносе). Тоже безобразие. Ремонтируетесь крайне медленно.

ХОРОШИХ. Да помолчи ты, окаянный.

МЕЧЕТКИН. Меню однообразное. Котлеты вчерашние.

ХОРОШИХ. Ну и как ты, Илья, так один и живешь?

ЕРЕМЕЕВ. Один, один.

ХОРОШИХ. Как же так, в тайге-то? Старый ты стал, тяжело, поди, одному?

ЕРЕМЕЕВ. Старый, старый.

ХОРОШИХ. А вон и дружок твой ковыляет. Идол безобразный.

Появляется Дергачев. Ему около пятидесяти. Он высок ростом, широкоплеч, кудряв, словом, мужик еще видный. Одно нехорошо: левая нога в колене у него не сгибается – протез. При ходьбе он заметно припадает и резко взмахивает правой рукой. В левой руке он держит ящичек со столярным инструментом. Он хмур и небрит. Проходит через палисадник по пути, проделанному Мечеткиным. При виде Еремеева он оживляется.

ДЕРГАЧЕВ. Э, кого я вижу. (Подходит, инструмент оставил на стуле. Одной рукой трясет руку Еремеева, другой хлопает его по плечу.) Здорово, брат, здорово.

ЕРЕМЕЕВ. Здорово, Афанасий... Здорово... (Смех и кашель.)

ДЕРГАЧЕВ. А я, брат, думал, тебя уже и на свете нету...

ХОРОШИХ. Во. Обрадовал человека.

ДЕРГАЧЕВ. Постарел, брат, постарел, но молодец – долго живешь.

ЕРЕМЕЕВ. Долго живу, долго... (Смеется.)

ДЕРГАЧЕВ. Ну и правильно. Нашего брата, охотника, за даром со света не стонишь, так или нет?

ХОРОШИХ. Что верно, то верно.

ДЕРГАЧЕВ. Молодец, Илья.

ХОРОШИХ. Илья, ты когда жену похоронил? Прошлым летом или позапрошлым?

ЕРЕМЕЕВ. Два лета прошло...

ХОРОШИХ. С тех пор, значит, один... Старику-то мыслимо ли?

ДЕРГАЧЕВ. Да-а, одному-то там неинтересно.

ЕРЕМЕЕВ. Неинтересно...

Небольшая пауза.

ДЕРГАЧЕВ. Анна...

Хороших не отвечает.

Анна... Ну.

ХОРОШИХ. Че – ну?

ДЕРГАЧЕВ. Ну... Или не понимаешь?

ХОРОШИХ. Да че ну-то?.. Павел там проснулся?

ДЕРГАЧЕВ. Встал твой Павел. Рожу свою бреет. Нахальную...

ХОРОШИХ. Нахальную? А ты на свою посмотри. Он свою хотя бы бреет...

ДЕРГАЧЕВ (перебивает). Об нем сейчас говорить не будем.

ХОРОШИХ. Ниче, сам начал...

ДЕРГАЧЕВ (внушительно). Анна! Насчет Павла разговор закончен. Пусть он уматывает. Отпуск у него закончился, дальше терпеть его не буду. (Помолчав.) И на этом точка.

(Небольшая пауза. Мягче.) Сейчас разговор другой... Ко мне друг пришел, слышишь?

ХОРОШИХ. Не слышу. И не желаю слышать.

ДЕРГАЧЕВ (не сразу). Ну...

Хороших молчит.

Ну!

ХОРОШИХ. Да че ну-то? Ну да ну! Поехал ты, что ли?

ДЕРГАЧЕВ. Ну!

ХОРОШИХ. Счастливого пути, ежели поехал.

ДЕРГАЧЕВ. Кому говорят! (Грохнул ладонью по столу.)

МЕЧЕТКИН (вздрагнул). АЛ

ДЕРГАЧЕВ (Хороших, спокойнее). Принимай гостя.

МЕЧЕТКИН. Опять скандалишь?

ДЕРГАЧЕВ. А ты не суйся!

МЕЧЕТКИН (поднимается). Безобразие. В общественном месте орут, понимаете, как в загоне... (Подходит к буфету.)

ХОРОШИХ (Дергачеву). На самом деле. Я тебе не лошадь.

ДЕРГАЧЕВ. Принимай гостя...

ХОРОШИХ. Твой гость, ты его и принимай.

ЕРЕМЕЕВ. Афанасий... Зачем шумишь, Афанасий? Не надо шуметь...

ДЕРГАЧЕВ. Погоди, Илья...

МЕЧЕТКИН. Отпустите-ка мне конфет. Этих... (Показывает.) Двести грамм.

Валентина появляется с подносом, прибирает на столе, за которым сидел Мечеткин. Обратила внимание на палисадник, отставила поднос, спустилась вниз. Снова возится с досками и калиткой.

ДЕРГАЧЕВ. Ну смотри, Анна.

ХОРОШИХ (рассчитываясь с Мечеткиным). Ничениче, обойдетесь. Я не миллионщица и растрату делать не желаю.

МЕЧЕТКИН (жует конфету). Растрату, между прочим, никто не желает делать, а приходит ревизия и выясняется...

ХОРОШИХ. А ты не каркай.

МЕЧЕТКИН. Я не каркаю, я предупреждаю.

ХОРОШИХ (Дергачеву). Зря рассиживаешься. Дело бы делал. Начальство вон с утра уже названивает. У меня этот твой ремонт в печенках уже сидит.

ДЕРГАЧЕВ. Смотри, Анна. С утра сегодня выпрашиваешь.

ХОРОШИХ. Ниче-ниче. Ни грамма сегодня не получишь, ни капли. (Мстительно.) И на этом точка. (Громко.) Валентина!.. Где ты? (Выходит из буфета, но тут же возвращается.) Где она?

ВАЛЕНТИНА (налаживает калитку). Я здесь!

ХОРОШИХ. Опять ты с палисадником? Не надоело те-

бе?.. Иди сюда, ящики занесем.

ВАЛЕНТИНА. Я сейчас.

Гремит засов, открываются ворота, и появляется Помигалов, отец Валентины. Из ворот он выкатывает мотоцикл. Помигалову за пятьдесят лет. Он среднего роста, суховатый, но крепкий мужчина, с решительными, спокойными движениями, твердым взглядом. Одет в робу и кирзовые сапоги. В открытые ворота видна часть двора, навес, поленница под навесом, тын и калитка в огород – всюду порядок.

ПОМИГАЛОВ (всем). Доброе утро.

С ним здороваются.

(Закрывает ворота. Громко, на ходу, не глядя в сторону чайной.) Валентина! В обед подметешь двор, натаскаешь воды. Борова покорми да выпустить его не забудь.

ВАЛЕНТИНА (возится с калиткой). Папа! Иди-ка сюда.

ПОМИГАЛОВ. Чего тебе?

ВАЛЕНТИНА. Иди помоги.

ПОМИГАЛОВ (разглядел, чем занимается Валентина, махнул рукой.) А! Некогда мне.

ВАЛЕНТИНА. Да на секунду! Тут только придержать надо.

ПОМИГАЛОВ. Кому это надо? (Ведет мотоцикл в сторо-

ну.) Брось. Детством занимаешься... (Отдает Валентине распоряжения.) За боровом присмотри. Да про баню не забудь. Будешь воду носить, смотри, чтобы куры в огород не попали. (Исчезает.)

Слышится треск мотоцикла. Треск удаляется.

ХОРОШИХ. И действительно, Валентина. Твой он, что ли, палисадник этот?.. А главное – даром ведь упрямишься: ходит народ поперек и будет ходить.

ДЕРГАЧЕВ. А ты бы ее не учила. Не твое дело. Нравится девке чудить, пусть она чудит. Пока молодая. Верно, Илья?

ЕРЕМЕЕВ. Верно, верно. Однако добрая девушка.

МЕЧЕТКИН (жует). Вот еще тоже. Не палисадник, а анекдот ходячий. Стоит, понимаете, на дороге, мешает рациональному движению.

ХОРОШИХ. Валентина! Скоро ты?

ВАЛЕНТИНА. Сейчас... Готово... (Ей удалось-таки наладить калитку.) Иду!

МЕЧЕТКИН (поднялся). И вообще. Будут у вас здесь продолжаться безобразия – я вас на весь район разрисую. Имейте в виду. (Уходит.)

Валентина проходит в чайную. Появляется в буфете раза два-три вместе с Хороших – заносят ящики.

ЕРЕМЕЕВ. Человек ушел – большой, однако, начальник.

ДЕРГАЧЕВ (с пренебрежением). Кто? Этот?.. В райздраве он бухгалтером. Да статейки в газету пописывает.

ЕРЕМЕЕВ. Строгий, однако.

ДЕРГАЧЕВ (усмехнулся). Не говори... Седьмой секретарь.

ЕРЕМЕЕВ. Секретарь?

ДЕРГАЧЕВ. Да, прозвали так. Седьмой секретарь, иначе его тут не величают.

Хороших появляется в буфете одна. Валентина выходит на веранду, вытирает со стола, за которым завтракал Мечеткин.

Илья, у тебя деньги есть?

ЕРЕМЕЕВ. Деньги? Есть маленько.

ХОРОШИХ (Дергачеву). Не совестно тебе?

ДЕРГАЧЕВ. А тебе не совестно?

ХОРОШИХ. Илья! Не вздумай ему ставить.

ДЕРГАЧЕВ. Не твое дело. Давай, Илья, не слушай бабу.

ХОРОШИХ. Илья!

ЕРЕМЕЕВ (в замешательстве). Так нехорошо... Так тоже нехорошо... (Улыбается.) Тогда надо немного выпить.

ХОРОШИХ. У-у! Все вы заодно. Алкоголики. (Достает бутылку, со стуком ставит ее на стойку.) На, подавись.

ДЕРГАЧЕВ (не сразу, спокойно, но внушительно). Давай

стаканы и поднеси по-человечески.

ХОРОШИХ. Еще чего? И не подумаю... Сам возьмешь, ниче с тобой не сделается.

ДЕРГАЧЕВ. Ну!

ВАЛЕНТИНА. Я подам, тетя Аня...

ХОРОШИХ. Нет. Обойдутся. У нас тут самообслуживание.

Еремеев хочет взять бутылку.

ДЕРГАЧЕВ (останавливает его). Сиди, Илья. (Хороших.) Неси ее сюда.

ХОРОШИХ. Счас, тороплюсь. (Помолчав.) Не дождешься, я те говорю.

ДЕРГАЧЕВ. А я говорю, неси ее сюда.

Наверху открывается дверь мезонина, появляется Шаманов. Шаманову тридцать два года, роста он чуть выше среднего, худощав. Во всем у него – в том, как он одевается, говорит, движется – наблюдается неряшливость, попустительское, непритворные небрежность и рассеянность. Иногда, слушая собеседника, он, как бы внезапно погружаясь в сон, опускает голову. Время от времени, правда, на него вдруг находит оживление, кратковременный прилив энергии, после которого, впрочем, он обычно делается особенно апатичным. Появляясь, он надевает на руку часы и осматривается.

В этот же момент из мезонина раздается голос Кашкиной.

ГОЛОС КАШКИНОЙ. Подожди.

ШАМАНОВ (с некоторым нетерпением). Да?

ГОЛОС КАШКИНОЙ. Завтракаем вместе?

Они разговаривают негромко, но внизу их, конечно, слышно. Валентина, услышав их голоса, меняется в лице, движения ей становятся напряженными, неестественными.

ШАМАНОВ (с досадой). Я не против, но я... Меня там машина должна ждать.

ХОРОШИХ (Дергачеву, смеясь). Сиди, сиди. Долго-то все равно не высидишь.

ГОЛОС КАШКИНОЙ. Подожди, я уже собралась.

ВАЛЕНТИНА (на которую сильно действуют голоса наверху, пытаясь не подать вида и скрыть свои чувства, обращается к Хороших.) Будет вам, тетя Аня! (Снова намеревается подать бутылку.)

ХОРОШИХ (жестом предупреждает намерения Валентины). Ты че? Нет у тебя своего дела? (Кивком головы и глазами указывает наверх.) Слышишь, что ли?

Валентина вспыхнула, вздрогнула, как от удара.

(Ядовито.) Пошевелись. Люди завтракать идут.

ШАМАНОВ (заговорил потише). Я буду внизу. (Шагает вниз, лестница под ним закрипела. Он останавливается, затем ступает осторожнее.)

ГОЛОС КАШКИНОЙ. Все. Я иду.

В ответ на ее слова Шаманов начинает спускаться быстрее, но при этом старается сохранить ту же осторожность, для чего ему приходится чуть согнуться.

В этот момент Валентина уходит в помещение чайной. Из мезонина появляется Кашкина. Сейчас на ней светлая юбка, белая блузка, босоножки. В руках – сумочка.

КАШКИНА (наблюдая, как Шаманов крадется вниз, негромко, насмешливо). Держите вора!

Шаманов останавливается и выпрямляется.

Держите его, он украл у меня пододеяльник.

ХОРОШИХ (Дергачеву). Да хоть целый день просиди, мне-то от этого...

ШАМАНОВ (Кошкиной). Слушай, что за шутки?

КАШКИНА. Никакие не шутки. Ты крадешься, как вор.

ШАМАНОВ. А ты как хотела? Чтобы мы в обнимку ходили?

КАШКИНА. Послушай. Скоро три месяца, как ты ходишь по этой лестнице, неужели ты думаешь, что в Чулимске

остался хотя бы один человек, который тебя тут не видел?

ШАМАНОВ. Ну и что? Может, нам теперь рассветы встречать здесь, на крыше?

КАШКИНА. Ну что ты – рассветы, где уж нам?.. Ладно уж, давай как поспокойнее. Спускайся. Сначала ты, а потом я.

ШАМАНОВ. Черт подери! (Делает два-три шага наверх. С досадой и иронией.) Руку, мадам, здесь такая шаткая лестница. (Берет Кашкину под руку.) Прошу вас. Наплюем на предрассудки, раз уж вы без этого никак не можете.

ХОРОШИХ (Дергачеву). Ну? Может, вы теперь ее и пить не будете?

Дергачев, грозно насупившись, сидит неподвижно.

КАШКИНА. Ладно, ладно. Иди... Иди, я забыла деньги... Да! Ты тоже кое-что забыл... (Достает из сумки пистолет в кобуре.) На, и больше никогда не оставляй у меня эту штуку.

ШАМАНОВ (берет пистолет). Мерси.

Кашкина возвращается в мезонин. Шаманов цепляет кобурку с пистолетом за ремень под пиджаком, поворачивается и спускается по лестнице шумно, без всякой предосторожности.

ХОРОШИХ (подняла вверх палец). Половина девятого. Следователь от аптекарши спускается. (Исчезает, появляется)

ся в дверях, ставит бутылку на стол, подает стаканы, тарелку с закуской.) Больше не получите. (Уходит в чайную.)

Шаманов появляется и, снова становясь осторожным, тихонько закрывает за собой калитку. Чуть выждав, неслышно удаляется в сторону.

ДЕРГАЧЕВ (разлил в стаканы). Ну, Илья... За встречу.

Еремеев моргает, суетливо кивает головой. Оба выпивают.

ХОРОШИХ (появляется в буфете). Илья, а дочь твоя где же?.. Где проживает?

ЕРЕМЕЕВ. Дочь?.. В Ленинграде была. Не знаю где...

ХОРОШИХ. Че, и писем не пишет?

ЕРЕМЕЕВ. Не пишет...

ХОРОШИХ. Вот беда-то...

ДЕРГАЧЕВ. Да, брат, неважные твои дела.

ЕРЕМЕЕВ. Неважные, неважные. Оленя нет, зверя в тайге мало стало, руки стали болеть – совсем неважные. (Неожиданно.) Не знаешь, пенсию не дадут?

ДЕРГАЧЕВ. Пенсию?.. Погоди, а сколь же тебе лет?

ЕРЕМЕЕВ (поспешно). Шиисят пять уже было, давно было. Уже семисят четыре.

ХОРОШИХ. Семьдесят четыре?.. Ну, Илья, ты даешь! Де-

вять лет, как пенсия полагается!

ЕРЕМЕЕВ. Полагается. Зангеев Петька давно получает.

ХОРОШИХ. А ты-то че думал?.. Ну, Илья, голова два уха. Дурень ты! Шляпа! Чего же ты ждешь?.. Дуй в райсобес!

ДЕРГАЧЕВ. Погодите вы в райсобес. Разбежались... Ты с Петькой не равняйся, у него зарплата была. Он от лесничества всю жизнь работал.

ХОРОШИХ. А Илья? Не работал, что ли?

ЕРЕМЕЕВ. Работал. У геологов работал, проводником работал. Сорок лет работал...

ДЕРГАЧЕВ. Работать-то ты работал, а документы у тебя есть?

ЕРЕМЕЕВ. А?

ДЕРГАЧЕВ. Документы, говорю. Трудовая книжка?.. Справки, что ты у геологов работал?.. Есть у тебя?

Еремеев молчит.

ХОРОШИХ. Неужто нету?

ДЕРГАЧЕВ. Нет?.. А раз нет, значит, пенсию не жди. Без справок ты ее не получишь. Даже и не рыпайся.

Из мезонина выходит Кашкина, спускается вниз.

ЕРЕМЕЕВ. Как же, Афанасий! Я работал, у геологов работал...

ХОРОШИХ. О чем же ты думал? Собрать надо было документы-то. А теперь где те геологи?

ДЕРГАЧЕВ. Ищи-свищи.

Из калитки выходит Кашкина, здоровается со всеми, проходит к буфету.

ХОРОШИХ. Долго, барышня, спишь. Все, поди, сны до-сматриваешь?

КАШКИНА. Ладно, Анна Васильевна, не острите. Есть простокваша?

ХОРОШИХ. Простокваша есть, а булочки вчерашние. Свежих сегодня не будет.

КАШКИНА. А сигареты?

ХОРОШИХ. Нету, милая. Не получала.

КАШКИНА. Весело живем.

ХОРОШИХ (громко). Валентина! Одну простоквашу!

ЕРЕМЕЕВ. Я работал, сорок лет работал...

ДЕРГАЧЕВ. Документов нет, и разговору нет.

ЕРЕМЕЕВ. Я работал. Ты, Афанасий, знаешь...

ДЕРГАЧЕВ. Я-то знаю...

ЕРЕМЕЕВ. Со мной пойдешь, расскажешь... Разве не поверят?

ДЕРГАЧЕВ. Илья, Илья. Глупый ты человек. Тебе пенсия оттуда (показал пальцем в небо) причитается, а здесь, брат, ты не жди. Здесь тебе не отломится.

ХОРОШИХ. Да постой ты его расстраивать. Сперва надо толком все разузнать.

Валентина появляется в буфете со стаканом простокваши. Она и Кашкина кивают друг другу довольно официально. Кашкина взяла булочку, простоквашу, расплатилась и усе-лась за столик справа, в углу. Дергачев разливает по второй.

Илья! Не пил бы ты больше, а шел бы лучше в собес или куда там... (Дергачеву.) А тебе то же самое: не грех бы и остановиться, об работе подумать.

Шаманов появляется оттуда, куда он исчезал, – с левой стороны улицы. Валентина незаметно для присутствующих исчезает из буфета.

ШАМАНОВ. Доброе утро.

ДЕРГАЧЕВ. Здравствуйте.

ХОРОШИХ. Владимир Михалыч... Ждем вас, ждем. (Обернувшись.) Валентина! Одну яичницу.

ШАМАНОВ. Да... И чаю там или компоту...

ХОРОШИХ (пишет). Чай, компот. Больше ничего не надо?

ШАМАНОВ. Нет, Анна Васильевна, пожалуй, больше ничего...

ХОРОШИХ. Вот и правильно. Не то что эти. (Кивает в

сторону Дергачева и Еремеева.)

ШАМАНОВ. А что такое?

ХОРОШИХ. Не видите? Ни свет ни заря уже запузыривают.

ШАМАНОВ. Ага... Уже, значит, начали... Не рано ли?

ДЕРГАЧЕВ. Вы как знаете, а нам не рано.

ШАМАНОВ. Думаете, не рано?

ДЕРГАЧЕВ. В самый раз.

ШАМАНОВ. В таком случае, Анна Васильевна... Стаканчик винца.

ХОРОШИХ (укоризненно). Владимир Михалыч...

ШАМАНОВ. Винца, винца, не более того... (Кошкиной.)

Зина, может быть... (Показывает – не выпить ли ей с ним за компанию.)

Кашкина отрицательно качает головой. Шаманов взял вино, хлеб, подсел к Кашкиной.

ДЕРГАЧЕВ. Так-то, брат Илья. В собес ты, конечно, сходи, но на пенсию, между нами говоря, не рассчитывай. А покамест выпьем. За любовь без обмана.

КАШКИНА (подняла стакан с простоквашей). Я к вам присоединяюсь.

Шаманов молча поднимает свой стакан. Все выпивают.

ХОРОШИХ. Владимир Михалыч, тут такое дело, вы в курсе, наверно.

ШАМАНОВ. Что, Анна Васильевна?

ХОРОШИХ. Да вот человек тут, Еремеев Илья, за пенсией пришел. Вот вы рассудите, ему семьдесят четыре года, он у геологов всю жизнь проводником работал...

ЕРЕМЕЕВ. Работал...

ХОРОШИХ. Работал, а документов не имеет. Ни справок у него, ни трудовой книжки – ничего нет. Вот как ему насчет пенсии? Что делать?

ШАМАНОВ. А где ж документы?

Еремеев молчит.

Это вы Еремеев?

ЕРЕМЕЕВ (не сразу). Еремеев, Еремеев...

ХОРОШИХ. Эвенк он по национальности...

ЕРЕМЕЕВ (кивает). Эвенк.

ХОРОШИХ. Только что фамилия русская. Крещеный он.

ЕРЕМЕЕВ (поспешно). Крещеный, крещеный...

ХОРОШИХ. Да какие ж с него документы? Ведь он человек простой – неученый, таежный житель. Кабы ему раньше знать про эти документы...

ШАМАНОВ. Но паспорт-то у него, надеюсь, есть?

ЕРЕМЕЕВ. Есть. Есть паспорт.

ШАМАНОВ. Что ж, в таком случае надо взять с места

работы справки и...

ХОРОШИХ. Да где ж он их возьмет? Геологи-то те разъехались давным-давно. Где они теперь? Кто по городам, а кто, поди, уже и помер.

ШАМАНОВ. Я не знаю, но существуют же отчеты всевозможные, архивы... Придется вам в это дело углубиться.

КАШКИНА. Кому углубиться? Ему углубиться?

ШАМАНОВ. Ничего не поделаешь, придется поездить, похлопотать... Вы в исполком сначала сходите, может, там что-нибудь посоветуют.

ДЕРГАЧЕВ. Все без пользы.

ХОРОШИХ. Это как же – без пользы? Мыслимо ли? Да ведь он и просить бы не стал и не пришел бы, если бы не нужда. Старик он, в тайге один остался...

КАШКИНА (Шаманову). Неужели ничего нельзя сделать?

ШАМАНОВ. Не знаю... Я тоже хочу на пенсию.

Валентина появляется с яичницей для Шаманова. Ставит ее перед ним, не глядя ни на него, ни на Кашкину.

(Машинально). Спасибо. (Отодвигает от себя тарелку с яичницей.)

КАШКИНА (возвращая тарелку наместо). Недожаренная. То, что ты любишь. (В отличие от Шаманова, внимательно глядя на Валентину.) Наша кухня делает успехи.

Валентина старается не обнаружить своих чувств, но уходит в чайную слишком порывисто.

ДЕРГАЧЕВ. Давай, Илья. (Разливает.) Живы будем – не помрем.

ЕРЕМЕЕВ (не уловив смысла). Помрем, помрем.

ХОРОШИХ. Эй вы, хватит вам распивать. Ты, Илья, иди в исполком, а ты работай начинай. Утра девять часов, людей бы постеснялся.

ДЕРГАЧЕВ. Нейметса тебе, да? (Поднялся.) Смотри, Анна, выпросишь ты сегодня... (Еремееву.) Идем отсюда. (Взял недопитую бутылку, стаканы, ящик с инструментом, прошел в помещение чайной.)

Еремеев идет за ним.

ШАМАНОВ. Ты не опоздаешь на работу?

КАШКИНА. Не волнуйся... А твоя машина? Что-то ее не видно.

ШАМАНОВ. Должна подойти.

Хороших выходит из буфета в помещение чайной.

КАШКИНА. Куда ты едешь?.. Что там новенького, хорошенького?

ШАМАНОВ. Одно и то же... Грабанули киоск с водкой — в Потеряхе, в Табарсуке тракторист избил жену.

КАШКИНА. За что он ее?

ШАМАНОВ. Избил?.. Как нам оттуда сообщили: «За нетактичное поведение».

КАШКИНА. За что? (Смеется, потом.) Наверно, из ревности. (Со вздохом.) Боже, бывает же такое.

ШАМАНОВ. Безумие... (Вздох.) И когда все это кончится...

КАШКИНА. Ну, знаешь, если бы все были такими благо-разумными, как ты...

ШАМАНОВ. И прекрасно. Тогда, может быть, меня отпустили бы на пенсию.

Из помещения чайной доносится голос Хороших: «Хватит, говорю, распивать!» Потом она появляется в дверях, закрывает их плотней, и последующий разговор Кашкиной и Шаманова сопровождается скандальным гомоном, доносящимся из-за дверей.

КАШКИНА. Не подерутся они там?

ШАМАНОВ. Очень может быть.

КАШКИНА. Знаешь, почему у них так?

ШАМАНОВ (равнодушно). Почему?

КАШКИНА. Она его любит...

Шум за дверью усиливается. Голос Хороших звучит пронзительно, но слов разобрать невозможно.

Он ее – тоже. Они любят друг друга, как в молодости.

ШАМАНОВ. Только бы они друг друга не убили. Последнее время они что-то чересчур усердствуют.

КАШКИНА. Это потому, что здесь Пашка. Ты знаешь, что Афанасий ему не отец?

ШАМАНОВ. Слышал.

КАШКИНА. Но когда Афанасий уходил на фронт, она была ему не жена. Только невеста.

ШАМАНОВ. Ну и что?

КАШКИНА. Пашка родился сразу после войны, а Афанасий – он был в плену, потом на севере, вернулся только в пятьдесят шестом году... Ты подумай. До сих пор он не может ей простить, до сих пор страдает. Разве это не любовь? Ну скажи... Ты как думаешь?

ШАМАНОВ. Не знаю. Я в этом плохо разбираюсь.

Небольшая пауза. За дверью скандал поутих, доносятся лишь отдельные выкрики. Что именно выкрикивают – не поймешь.

Зина, что ты от меня хочешь?

КАШКИНА. Я?

ШАМАНОВ. Да, ты. Что ты от меня хочешь?

КАШКИНА. А как ты думаешь?

ШАМАНОВ. Чтоб я на тебе женился.

КАШКИНА. Возможно... Но главное не в этом.

ШАМАНОВ. Не знаю. У меня такое впечатление, что ты хочешь от меня чего-то невозможного.

КАШКИНА. Боюсь, что так оно и есть.

ШАМАНОВ. Зина, я сделаю все, что ты захочешь. Но если у меня чего-то нет, значит, нет. Нельзя же, в самом деле, требовать от меня того, чего у меня нет.

КАШКИНА. Ну спасибо тебе. Умеешь ты высказываться деликатно... Ну да ладно... Какие у тебя планы на вечер?

ШАМАНОВ. Планы?

КАШКИНА. Послушай, идем сегодня на танцы.

ШАМАНОВ. На танцы?

КАШКИНА. Ну почему нет? Что же вечером делать?

ШАМАНОВ. Зина, ты меня удивляешь. Какие танцы, что ты. На танцах я в последний раз был в тысяча девятьсот...

КАШКИНА. Ладно, можешь не продолжать.

ШАМАНОВ. И потом, к счастью, сегодня здесь не танцы, а кинофильм. И я его, слава богу, уже видел.

КАШКИНА. А я не про ДК говорю, я предлагаю пойти в Потеряху...

ШАМАНОВ. Куда?

КАШКИНА. Или в Ключи. Там сегодня танцы...

ШАМАНОВ. В Потеряху? В Ключи?.. Ты шутишь, правда же?

КАШКИНА. Ну почему? До Ключей семь, а до Потеряихи всего пять километров. Отличная прогулка.

ШАМАНОВ. Пять туда и пять обратно. (Ужасаясь.) Десять километров.

КАШКИНА. А тебе не стыдно?

ШАМАНОВ. Ну в ДК – еще куда ни шло, но в Потеряиху! Зина, это безумие.

КАШКИНА. Ладно, ладно. Никто тебя туда не тащит. Просто я думаю, чем заняться сегодня после работы. Ладно... Что я тебя хотела спросить... Да. Что бы ты сделал, если бы я тебе изменила?

ШАМАНОВ. Ты уверена, что хотела спросить именно это?

КАШКИНА. Да, именно. Если бы я тебе изменила, сделал бы ты что-нибудь вообще, а если бы сделал, то что именно?

ШАМАНОВ (со вздохом). Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?.. В свою защиту я бы сказал, что ты замучила меня нелепыми вопросами. Суд бы меня оправдал. А вообще я хочу на пенсию.

КАШКИНА (не сразу). А знаешь, эта шутка похожа на правду.

ШАМАНОВ. Какая шутка?

КАШКИНА. Да вот про пенсию. Мне кажется, это и на самом деле твое единственное желание.

ШАМАНОВ. Конечно.

КАШКИНА. Одного я только не пойму: как ты дошел до такой жизни... Объяснил бы наконец.

Шаманов пожал плечами.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА (Он поет).

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

КАШКИНА. Ну серьезно. Сколько мы знакомы? А ведь я про тебя ничего почти не знаю. А что знаю, услышала от других людей, не от тебя. Знаешь, даже немного обидно... Да нет, не беспокойся, пожалуйста, ничего я от тебя не требую... Но я хотела бы тебя понять.

ШАМАНОВ. Зачем, Зина, зачем понять?

КАШКИНА. Зачем?.. Да хотя бы, чтобы не задавать тебе нелепых вопросов. В самом деле, ну почему бы тебе не рассказать мне про свою городскую жизнь?

ШАМАНОВ. Ни в коем случае. Стоит рассказать, и вопросов у тебя появится еще больше, и они будут еще нелепее. Уволь, Зина... Не обижайся, но у меня нет никакого желания исповедоваться.

КАШКИНА. Ладно, ладно, никто тебя не заставляет... (Не сразу.) Но ты не думай, что я про тебя ничего не знаю. Кое-что мне все-таки известно.

ШАМАНОВ. Тем лучше.
ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

КАШКИНА. Говорят, ты был совсем другим человеком, не таким, как сейчас... Жена, говорят, у тебя была чья-то там дочь, и очень красивая. И вообще сначала ты процветал. Так говорят... (Не сразу.) В общем, в городе я встретила одну знакомую, Ларису, из облздрави – знаешь такую?

ШАМАНОВ. Не помню.

КАШКИНА. Не помнишь?.. А она тебя помнит. Оказывается, ты разъезжал в собственной машине. Никогда бы не подумала... Лариса, она так сказала: «У него было все, чего ему не хватало – не понимаю». И еще она сказал: «Он бы далеко пошел, если бы не свалил дурака...»

Шаманов усмехнулся.

Это ее слова. (Чуть жеманно, подражая голосу своей городской знакомой.) «Что с ним тогда стряслось – не понимаю...» (Тихо.) А я тебя понимаю. (Сразу, как бы извиняясь.) Мне кажется, я понимаю, в чем дело.

ШАМАНОВ (вяло). В чем дело?

КАШКИНА. Год назад чей-то сынок на машине наехал на

человека. Было такое?.. Ну вот. И тебе поручили это дело. Верно?.. Лариса говорит, что того сынка, ну этого, который наехал на человека, она тоже знает. (Снова подражая голосу Ларисы.) «Старушка, с одной стороны, дело было темное, а с другой стороны, дело было абсолютно ясное, никто не думал, что он захочет его посадить. Никто от него этого не ожидал». Ты ее не припоминаешь – Ларису? У нее глаза чуть такие (показывает), крашенные волосы – черные, и – что еще?.. Да! Ногти. Ничего не скажешь, ногти у нее чудные. Ну что, ты ее не припоминаешь?

ШАМАНОВ. Не знаю. У них там у всех чудные ногти... Не помню.

КАШКИНА. Странно... Так вот, никто не ожидал, что ты захочешь его посадить, а ты вдруг захотел. Но у тебя ничего не получилось. Суд перенесли, следствие передали другому, но ты, говорят, на этом не успокоился. (Подражая Ларисе.) «Он уперся как бык... не знаю уж, кем он себя вообразил, но он тронулся, это точно. Он ушел от жены, нигде не показывался, одеваться стал кое-как, короче, он совсем опустился...» Так это было?

ШАМАНОВ. Вот видишь, все ты про меня знаешь, не понимаю, на что ты обижаешься.

КАШКИНА. Неужели это был ты?.. (Не сразу.) Я думаю, ты добивался справедливости.

ШАМАНОВ. Допустим. И что из этого?

КАШКИНА. Но ведь это здорово.

ШАМАНОВ. Ты думаешь?

КАШКИНА. Разве это плохо?

ШАМАНОВ. Не хорошо и не плохо. Это безумие. Твоя Лариса права.

КАШКИНА. Моя?

ШАМАНОВ. Я ее не помню. Но добиваться невозможно – в самом деле сумасшествие... Между прочим, суд состоится на днях... Я получил повестку.

КАШКИНА. Да?

ШАМАНОВ. Да! Кое-кто в городе ждет, что я примчусь туда и буду на этом суде выступать.

КАШКИНА. А ты?... Не собираешься?

ШАМАНОВ. Ни в коем случае. С меня хватит. Биться головой об стену – пусть этим занимаются другие. Кто помоложе и у кого черепок потверже.

КАШКИНА. Да-а, ты был другой человек, теперь я вижу.

ШАМАНОВ (вялый жест). Какой бы я ни был, мое выступление ничего не изменит. Ничего ровным счетом. А раз так, значит, оно никому не нужно.

КАШКИНА. Ты в этом уверен?

ШАМАНОВ. На девяносто девять процентов.

КАШКИНА. И все-таки... Один процент остается.

ШАМАНОВ. Один против девяноста девяти – это шанс для умалишенных. Вот и пусть их – дерзают. И закончим этот пустой разговор.

КАШКИНА. Как хочешь...

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

КАШКИНА. Знаешь, что сказала эта Лариса, когда узнала, что ты здесь? (Подражая Ларисе.) «Что ж, деревня, говорят, успокаивает, он правильно сделал, что туда уехал».

ШАМАНОВ. Ерунда. Мне просто было некуда податься.

КАШКИНА. Она передавала тебе привет. (Подражая Ларисе.) «Сердечный привет, надеюсь, он еще не постригся в монахи».

ШАМАНОВ (рассмеялся). Вспомнил! У нее здесь (показывает) железная коронка.

КАШКИНА. Точно!

ШАМАНОВ. Когда она смеется, эта коронка чуть дребезжит.

Оба смеются.

КАШКИНА. Точно!

ШАМАНОВ. До сих пор дребезжит?

КАШКИНА. До сих пор.

ШАМАНОВ. Ну да, глаза чуть такие. (Показывает. Одобрительно.) И надо сказать, она...

КАШКИНА (перебивает). Да-да. Она ничего. Даже очень

ничего.

ШАМАНОВ. Вспомнил, вспомнил. (Перестав смеяться, неожиданно.) Подлая баба. Но неглупая.

КАШКИНА. Долго же ты ее вспоминал... Ну да ладно. (Поднимается). Пора в свою аптеку. Мой зав – она вон она, уже делает мне ручкой из окошечка. Пойду... Когда увидимся?.. За ужином?

ШАМАНОВ. Не знаю, Зина. К вечеру вернусь... Куда я денусь? (Поднялся, пошел к буфету.)

Появляется Пашка – сын Хороших и пасынок Дергачева. Идет он напрямик: вынимает из ограды палисадника доску, ногой толкает калитку. Калитка снова повисла на одной петле. Пашке двадцать четыре года, в деревне он в гостях, на нем ярко-красная экстравагантная куртка, но одновременно и грубые рабочие башмаки. Парень он крупный, неуклюжий. Взгляд чуть исподлобья, говорит басом. Вообще склонность идти напролом хорошо согласуется с его внешностью.

ПАШКА. Здравствуйте.

КАШКИНА. Добрый день.

Шаманов кивает ему. Пашка проходит к буфету.

(Уходит через палисадник по пути, проделанному Пашкой. Шаманову.) До вечера. (Исчезает.)

ШАМАНОВ. Счастливо. (У буфета протянул руку в окно, достал оттуда телефон, снял трубку.) Дайте милицию...

Пашка у буфета. Стучит пальцами по витрине.

Дежурный?.. Это Шаманов... Жду машину в Табарсук... Скорее?.. А когда?.. Скажи ему, пусть он подъедет к чайной... Жду его здесь... Скажи, пусть поторопится. (Поставил телефон на место, отошел от буфета, уселся за столик, но не за тот, за которым сидел с Кошкиной, а за другой, у крыльца – подальше от буфета.)

ПАШКА (стучит.) Ма-ать!

В буфете появляется Хороших.

ХОРОШИХ. Явился...

ПАШКА. Дай-ка «Беломору».

ХОРОШИХ (дает ему папиросы). Дров наколот?

ПАШКА. Наколот.

ХОРОШИХ. Баню сегодня протопишь.

ПАШКА. Пусть инвалид протопит.

ХОРОШИХ. Я говорю, ты протопишь. Понял?

ПАШКА. Ладно, там видно будет. (Уселся прямо на подоконник-прилавок, закурил.) Денек сегодня будет... Законный денек.

ХОРОШИХ. Не твой денек, Павел... Куда уселся? Слазь отсюда. (Сталкивает его с подоконника.)

ПАШКА. Да погоди ты, мать. Дай покурить спокойно.

ХОРОШИХ (не сразу). Че, скажешь, покурить сюда пришел?

ПАШКА. А че еще? Дашь выпить и выпить могу.

ХОРОШИХ. Я вот те выпью. Еще чего не хватало.

ПАШКА. Да не надо, не надо. Я и без того заведенный.

ХОРОШИХ. Заведенный... Уезжать тебе надо, Павел.

ПАШКА. Ну во-от. В гости, называется, приехал. К матери родной... Гонишь, что ли?

ХОРОШИХ. Не гоню, а пора тебе. Отпуск кончился. Отгулял свое. Как бы тебя там с работы не выгнали.

ПАШКА. Не выгонят, не беспокойся. Это я у вас тут не котируюсь, а там – не беспокойся...

Хороших вздохнула шумно и горестно.

(Негромко.) Где она?

ХОРОШИХ. Послушайся, Павел, матери – уезжай. Пустое твоё дело.

ПАШКА. Обижаешь, мать. Помочь бы могла.

ХОРОШИХ. Эх, Павел. Никому ты тут не нужен, кроме меня. Чем тебе поможешь?

ПАШКА. А не поможешь, значит, не мешай.

Появляется Валентина с подносом и тряпкой. Прибирает на столе, за которым сидели Шаманов и Кашкина.

Здравствуй, Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Здравствуй. (Направляется в помещение чайной, но Пашка загораживает ей дорогу.)

ПАШКА. Погоди...

Она старается пройти – безуспешно.

(Схватил ее за руку.) Ну че ты как неродная...

ВАЛЕНТИНА. Пусти.

ПАШКА. А выйдешь вечером?

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ПАШКА. Точно не выйдешь?

Валентина пытается освободить руку – напрасно. А ты не торопись, ты подумай...

ВАЛЕНТИНА. Я тебе уже сказала... Пусти.

ХОРОШИХ (строго). Павел!

ПАШКА (понижив голос, глухо). Я тебе скажу, Валя... Зря ты вертишься. Никуда ты от меня не денешься.

ВАЛЕНТИНА (с отчаянием). Пусти!

ШАМАНОВ. Послушай-ка. Нельзя ли полегче?

ПАШКА (оборачивается). Че такое?

Валентина освободилась, быстро зашла в чайную.

ШАМАНОВ. Я говорю, нельзя ли полегче – с девушкой?

ПАШКА. А че такое?.. Че тебе не нравится?

Шаманов не отвечает.

(Садится напротив Шаманова.) Нет, серьезно, чем ты недоволен?

ХОРОШИХ. Павел!

ПАШКА. Я разговариваю с девушкой, а ты че? Недоволен, что я с ней разговариваю?

ШАМАНОВ. Я-то доволен. Девушка недовольна.

ПАШКА. А че ты за нее волнуешься? Кто ты ей такой, с какого боку?

ХОРОШИХ. Павел! Как с людьми разговариваешь?

ПАШКА. Нормально, как мне еще разговаривать? По иностранному, что ли?.. А то я могу. (Лицом и корпусом подался к Шаманову.) Хау ду ю ду – это по-английски, а по-русски это значит – не суйся не в свое дело. Правильно?

ШАМАНОВ. Да нет, милый мой. Слабоват ты в английском. Хау ду ю ду – это значит: не валяй дурака, веди себя приличнее.

ПАШКА (хмыкнул одобритительно). Ниче...

ХОРОШИХ. Так его, Владимир Михалыч, покрепче его понужните, чтоб он понимал.

ПАШКА (поднимается). Ниче, ниче. Чувствуется, что поговорил с образованным человеком. (Нагнулся к Шаманову,

глухо.) Но учти, следователь. К Валентине ты больше не касайся. Ни под каким видом... Я тебе серьезно говорю. (Отходит от столика Шаманова.)

В буфете за спиной Хороших появляется Еремеев. Он протягивает Хороших деньги.

ХОРОШИХ. Нет, нет. Сказала ни грамма – и точка.

ЕРЕМЕЕВ. Маленько, однако, налей.

ХОРОШИХ. Отойди, Илья. Выйди из буфета. (Выталкивает Еремеева.) Сказала – нет...

Дергачев появляется и подталкивает Еремеева с другой стороны.

ДЕРГАЧЕВ. Не твои деньги, не имеешь права.

ХОРОШИХ. Нет, я вам говорю. Не получите!

ДЕРГАЧЕВ (грозно). Обслужить клиента, и никаких!

ПАШКА (подходит к буфету, Хороших). Чего он там разошелся?

Еремеев выбирается из буфета.

ХОРОШИХ. Выйди, Афанасий. Не получишь больше – все равно.

ДЕРГАЧЕВ. Ну, Анна, на себя пеняй...

ПАШКА. Эй ты, деятель...

Дергачев повернулся, только сейчас он заметил Пашку.

Выйди из буфета. По-хорошему.

ДЕРГАЧЕВ. А-а, щенка своего позвала. Поможет, думаешь?

ХОРОШИХ. Выйди, Афанасий. А ты, Павел, помолчи...

ДЕРГАЧЕВ (Пашке). Заткнись, не то...

ПАШКА. Ну че?..

Дергачев стучит кулаком по прилавку.

Тише, тише. А то смотри, руку зашибешь.

ХОРОШИХ. Молчи, Павел!.. Афанасий, перестань!.. Господи, господи... Налью я тебе – только перестань! Налью, слышишь?

ПАШКА. Куда лить-то?.. Хватит с него, налил с утра пораньше.

ДЕРГАЧЕВ. Ну, щенок... (Быстро выходит из буфета.)

ХОРОШИХ. Афанасий! (Устремляется вслед за Дергачевым.)

Дергачев появляется, приближается к Пашке, берет его за грудки.

ПАШКА (хватает его за руки). Ну и че?.. А дальше че?..
Ну?

ДЕРГАЧЕВ. Я покажу тебе... Я научу тебя... Крапивник!

Хороших появляется, пытается разнять Пашку и Дергачева, которые топчутся по всей веранде. При этом сила явно на стороне Пашки, он лишь защищается. Пытаясь их разнять, к Хороших присоединяется Шаманов. Еремеев появляется, сокрушенно качает головой. В дверях чайной появляется Валентина, останавливается на пороге.

Я покажу вам!.. Я вам устрою!..

ПАШКА. Мать, убери его от меня!..

ХОРОШИХ. Афанасий!.. Павел!

ШАМАНОВ (кричит). Остановитесь!

На секунду они останавливаются.

Уведите его домой. Он пьян.

ХОРОШИХ (подталкивает Дергачева и Пашку к крыльцу). Опомнись! Афанасий... Павел! Веди его домой...

ПАШКА. Да пошел он... Сама с ним возись!

ХОРОШИХ. Помоги мне, Павел... Уведем его, слышишь... Ради бога, Павел...

ДЕРГАЧЕВ. А ну отцепитесь!.. Я научу вас свободу любить...

ПАШКА. Ладно, кончай... Повоевал – хватит... Пошли.

Пашка потащил Дергачева через палисадник. Хороших идет за ними. У дыры они возятся, затем Пашка вынимает еще одну, третью доску и выталкивает Дергачева из палисадника. Исчезают все втроем. Еремеев идет следом, но палисадник обходит.

ШАМАНОВ. Веселенькое утро, ничего не скажешь...

Шум и голос Хороших: «Не трогай его! Не трогай его!»
Затем шум удаляется и умолкает.

Валентина спускается в палисадник, подбирает доски и начинает восстанавливать ограду. Шаманов сначала рассеянно, потом внимательнее наблюдает за Валентиной. С момента ухода Пашки, Дергачева, Хороших и Еремеева прошло не менее полминуты.

Валентина...

Валентина прекратила работу.

Вот я все хочу тебя спросить... Зачем ты это делаешь?

ВАЛЕНТИНА (не сразу). Вы про палисадник?.. Зачем я его чиню?

ШАМАНОВ. Да, зачем?

ВАЛЕНТИНА. Но... Разве непонятно?

ШАМАНОВ качает головой: непонятно.

И вы, значит, не понимаете... Меня все уже спрашивали, кроме вас. Я думала, что вы понимаете.

ШАМАНОВ. Нет, я не понимаю.

ВАЛЕНТИНА (весело). Ну тогда я вам объясню... Я чиню палисадник для того, чтобы он был целый.

ШАМАНОВ (усмехнулся). Да? А мне кажется, что ты чинишь палисадник для того, чтобы его ломали.

ВАЛЕНТИНА (делаясь серьезной). Я чиню его, чтобы он был целый.

ШАМАНОВ. Зачем, Валентина?.. Стоит кому-нибудь пройти, и...

ВАЛЕНТИНА. И пускай. Я почию его снова.

ШАМАНОВ. А потом?

ВАЛЕНТИНА. И потом. До тех пор, пока они не научатся ходить по тротуару.

ШАМАНОВ (покапал головой). Напрасный труд.

ВАЛЕНТИНА. Почему напрасный?

ШАМАНОВ (меланхолично). Потому что они будут ходить через палисадник. Всегда.

ВАЛЕНТИНА. Всегда?

ШАМАНОВ (мрачно). Всегда.

ВАЛЕНТИНА. А вот и неправда. Некоторые, например,

и сейчас обходят по тротуару. Есть такие.

ШАМАНОВ. Неужели?

ВАЛЕНТИНА. Да. Вот вы, например. Вы всегда обходите по тротуару.

ШАМАНОВ (искренне удивился). Я?.. Ну не знаю, не замечал... Во всяком случае, пример неудачный. Я хожу с другой стороны.

ВАЛЕНТИНА. С другой стороны, но и с этой вы тоже ходите. И всегда вокруг.

ШАМАНОВ. Да? Ну, значит, мне просто лень нагибаться. Мне лучше обойти, чем нагибаться... (Не сразу.) Нет, Валентина, ты зря стараешься.

ВАЛЕНТИНА. Неправда... (Двумя-тремя жестами закончила с оградой.) Вот и все. Много ли здесь труда – и все на месте. И ограда целехонька. (Живо.) Ну неужели вы не понимаете? Ведь если махнуть на это рукой и ничего не делать, то через два дня растащат весь палисадник.

ШАМАНОВ. Так оно и будет.

ВАЛЕНТИНА. Неправда! Увидите, они будут ходить по тротуару.

ШАМАНОВ. Ты возлагаешь на них слишком большие надежды.

ВАЛЕНТИНА. Да нет же, они поймут, вы увидите. Должны же они понять – в конце концов. Я посею здесь маки и тогда...

ШАМАНОВ (перебивает). Нет, Валентина, напрасный

труд. (Подошел к буфету, извлек оттуда телефон, снял трубку.) Дайте милицию... (Ждет, потом Валентине.) А ты не пробовала прибить доски гвоздями?

ВАЛЕНТИНА (улыбается). Пробовала. Две доски сломали пополам.

ШАМАНОВ. Вот видишь. Говорю тебе, это напрасный труд. (По телефону.) Дежурный?.. Следователь Шаманов... Послушай, там Комаров далеко?.. Дай ему трубку... Здравствуй, Федя... Шаманов... Из чайной... Что там у вас? Когда будет машина?..

Валентина принимается за калитку.

Вот я и звоню: когда она будет?.. Когда?.. А побыстрее нельзя?.. Мне все равно, но если ехать, значит, нечего тянуть резину, уже одиннадцатый час... К начальнику?.. А что такое?.. Вызывают в город?.. Знаю, получил повестку... Ну да, тот самый процесс... Да, послезавтра. А мне все равно – хоть сегодня – я не еду... Зачем? Там уже все решено, а с меня хватит... Все. Я не любитель красивых жестов... Говорю тебе: нет... Да, можешь сказать ему, что я отказываюсь... И вообще я хочу на пенсию... Да, так ему и передай... Так... А чем он недоволен?.. Пистолет?.. Да (хлопнул себя по бедру), у меня. А что такое?.. Ну и что?.. Я вернулся ночью, когда я его мог сдать?.. Ничего, переживет... Что? Сдать его сейчас?.. Ну да, охота мне сейчас тащиться... Не пойду... Нет,

я не против дисциплины, просто мне лень туда идти... Ладно, пусть он успокоится, убивать я никого не собираюсь... (Слушает, потом.) Какие еще слухи?.. Так, так... Понятно. Общественность интересуется, где я ночую... Беспокоится?.. Встревожена? Надо же. У меня такое впечатление, что общественность это волнует больше, чем меня самого... Ну вот что. Я, конечно, польщен вниманием, но где мне ночевать – эту заботу я попросил бы доверить мне лично. Как-никак сам я в этом больше разбираюсь...

Тут Валентина опустила голову ниже.

(Заметил это и далее разговаривает, глядя на Валентину.) Я не понимаю, у нас милиция или монашеский орден?.. Послушай, хватит на эту тему. Здесь рядом девушка, и я не могу сказать тебе всего, что я об этом думаю... Девушка?.. Да, интересная... по-моему, да... Здешняя... Да, как ни странно... Успокойся, старина. Ты ей в отцы годишься... Ты прав: еще совсем зеленая... И наш разговор ее смущает... Ну, привет... Да, жду машину. (Поставил телефон наместо.)

Пауза. Шаманов, пройдясь по веранде, подходит к крыльцу. Валентина налаживает калитку.

(Наблюдает за ней снова, на этот раз с большим интересом.) Валентина...

Валентина подняла голову. Небольшая пауза. –

Послушай... Оказывается, ты красивая девушка...

Калитка, которую Валентина придерживала, падает на землю.

Не понимаю, как я раньше этого не замечал...

Валентина снова берется за калитку.

Да брось ты эту калитку... (Не сразу.) Ах, какая ты упрямая. (Спускается с крыльца.) Ну что там?.. Помочь тебе?

ВАЛЕНТИНА. Если хотите... Подержите ее. Да, так...

ШАМАНОВ. Держу... (Не сразу.) Не опускай голову, ты же не видишь, что ты делаешь.

Валентина наладила калитку, выпрямилась. Небольшая пауза. Валентина – в палисаднике, Шаманов стоит против нее по другую сторону калитки.

ВАЛЕНТИНА. Спасибо... С этой калиткой не так-то просто... Другой раз легко, а сегодня что-то не получается...

ШАМАНОВ. Да, в самом деле... Странное сегодня утро... Вижу тебя целый год и только сейчас разглядел по-

настоящему. И я должен тебе сказать...

ВАЛЕНТИНА (тихо). Не надо.

ШАМАНОВ. Ты лишаешь меня слова? Почему?

ВАЛЕНТИНА. Потому что вы надо мной смеетесь.

ШАМАНОВ. Смеюсь? Нисколько. Я говорю серьезно...

Ты красивая, Валентина. Что в этом смешного?.. (Не сразу.)

Ну вот, и уже покраснела... Нет, нет, не опускай голову, дай я на тебя полюбуюсь. Я давно не видел, чтобы кто-нибудь краснел.

Далее – она хотела выйти, но он прикрыл калитку.

Подожди... Подожди, Валентина... Удивительное дело. Мне кажется, что я вижу тебя в первый раз, и в то же время... (Неожиданно.) Послушай!.. Да-да... (Не сразу.) Когда-то, давным-давно у меня была любимая... и вот – удивительное дело – ты на нее похожа. (Не сразу.) К чему бы это? А, Валентина?

Небольшая пауза.

Сколько тебе лет?.. Семнадцать?.. Восемнадцать?

ВАЛЕНТИНА. Да.

ШАМАНОВ. А почему ты не в городе?.. Твои сверстники, по-моему, все уже там.

ВАЛЕНТИНА. Да, многие уехали...

ШАМАНОВ. А ты? Почему ты осталась?

ВАЛЕНТИНА. Осталась... А разве всем надо уезжать?

ШАМАНОВ. Нет. Совсем нет... Но раз ты осталась, значит, у тебя есть на то причины.

ВАЛЕНТИНА. Значит, есть.

ШАМАНОВ. А в чем дело?.. Я слышал, отец тебя не пускает. Это правда?.. Или – что тебя держит?

ВАЛЕНТИНА. Вам неинтересно...

ШАМАНОВ. А все же, в чем дело?.. (Не сразу.) Что с тобой?.. Ну-ну, если это тайна, я не спрашиваю... Это тайна?

Небольшая пауза.

Валентина, ты замечательная девушка. Все у тебя на лице – все твои тайны. Ты не уехала, потому что ты влюбилась... Разве нет?.. А в кого, интересно?.. Не скажешь?.. Ну еще бы! (Любуется ею, потом, усмехнувшись.) Глянула бы ты на себя со стороны... (Не сразу.) Ах, Валентина, грустно мне на тебя смотреть. Грустно, потому что меня уже никогда не полюбит такая девушка, как ты.

ВАЛЕНТИНА (у нее вырывается то, что она могла бы сказать ему в любую минуту.) Неправда!

ШАМАНОВ. Что неправда? (С любопытством.) Кто ж, интересно, может на меня позариться?.. Что-то не вижу я желающих... Может, ты кого знаешь?

ВАЛЕНТИНА (тихо). Все знают... Кроме вас.

ШАМАНОВ. Вот как?

ВАЛЕНТИНА. Вы один здесь такой: ничего не видите... (Неожиданно громко, с отчаянием.) Вы слепой! Слепой – ясно вам?

Небольшая пауза.

ШАМАНОВ (никак не ожидал этого признания и явно им озадачен; с удивлением). Ты это серьезно?.. (Не сразу, с растерянностью.) Ты уверена, что... (Остановился.)

ВАЛЕНТИНА (с напряжением, изо всех сил стараюсь улыбнуться). Слепой... Но не глухой же вы, правда же?

ШАМАНОВ (не сразу). Да нет, Валентина, не может этого быть... (Засмеялся.) Ну вот еще! Нашла объект для внимания. Откровенно говоря, ничего хуже ты не могла придумать... (Открыл калитку, сделал шаг и... погладил ее по голове.) Ты славная девочка, ты прелесть, но то, что ты сейчас сказала, – это ты выбрось из головы. Это чистейшей воды безумие. Забудь и никогда не вспоминай... И вообще: ты ничего не говорила, а я ничего не слышал... Вот так.

ВАЛЕНТИНА (негромко, с усилием). Я не сказала бы никогда. Вы сами начали.

ШАМАНОВ (довольно сухо). Я пошутил.

Валентина отступает на шаг, затем быстро выходит из палисадника.

Постой... (Идет за ней следом.) Валентина!

Она исчезает, оставляя за собой открытой калитку своего дома.

(Постоял-постоял, а потом поднялся на веранду и уселся на стул. Некоторое время сидит вытянув ноги и запрокинув голову.) Ну вот... Только этого мне и недоставало.

Кашкина и Пашка появляются одновременно, она с левой стороны, он – с правой. Столкнувшись у палисадника с Кашкиной, Пашка останавливается и, резко повернувшись, уходит обратно. Кашкина, на этот раз обойдя палисадник, поднимается на веранду.

КАШКИНА. Где ж твоя машина?.. (Иронизирует.) Беденький, сидишь тут в одиночестве, скучаешь, и развлечь тебя некому. Все куда-то разбежались...

Шаманов глянул на нее мрачно.

(Другим тоном.) Наше окно напротив, так что извини...

ШАМАНОВ. Сколько угодно. Тем более: глазеть в окно – в этом все ваше дело.

КАШКИНА. Не все, допустим, но когда есть на что по-

смотреть... А было на что посмотреть.

ШАМАНОВ. Что ж, значит, не зря вы сегодня пришли на работу.

КАШКИНА. Успокойся, никто этого не видел, кроме меня. Я одна наблюдала.

ШАМАНОВ. Ну?.. Надеюсь, тебе хорошо было видно?

КАШКИНА. Прекрасно. Вот только не слышно ничего...

ШАМАНОВ. А что тебя интересует? Я охотно тебе перескажу.

КАШКИНА. Как это вы вдруг... разговорились?

ШАМАНОВ (насмешливо). Да так, очень просто. Я сделал ей комплимент, она... Да, вот так, слово за слово, незаметно. Кое-что выяснилось...

КАШКИНА. А раньше ты этого не замечал?

ШАМАНОВ (не сразу). А что ты раньше замечала?

КАШКИНА (не сразу). Ну выяснилось, а дальше? Как это тебе понравилось?

ШАМАНОВ. Мне-то?.. (Все так же насмешливо.) А что мне? Она меня заинтриговала. Да, а ты как думаешь? Она милая девушка – разве нет? И я жалею, что не замечал этого раньше... Да, вот так. Раньше не замечал, зато сегодня... как бы тебе это выразить... Она явилась неожиданно, как луч света из-за туч. Нравится тебе такое сравнение?

КАШКИНА. Неплохо.

ШАМАНОВ. Кроме того, она напоминает мне мою первую любовь – не веришь?.. Это совершенно серьезно...

А в довершение ко всему – вот, оказывается, она в меня уже влюблена... Ну что? Как, по-твоему, все это называется?

КАШКИНА. Я не пойму, над кем ты сейчас издеваешься?

ШАМАНОВ (тем же тоном). Судьба – другим словом все это не назовешь. Судьба. И она говорит мне: дерзай, старик, у тебя еще не все потеряно. Вот, она говорит, тебе тот самый случай – лови, другого уже не будет... (Помолчал.) Да. Вот так.

КАШКИНА. И что дальше?

ШАМАНОВ. Дальше?.. Известное дело. Я благодарю судьбу, плюю на предрассудки, хватаю девчонку и – привет. Я начинаю новую жизнь. Тебя это устраивает?

КАШКИНА. А тебя?

ШАМАНОВ (другим тоном, с раздражением). Зина. У тебя политика такая или ты действительно дура?.. Ну в самом деле! Мы с тобой знаем, мне кажется, уже тыщу лет, а ведь ты совсем меня не понимаешь – ну совершенно! (Расходится.) Да нет, ты извращаешь каждое мое слово, каждый звук, каждую букву! Начни я за здоровье, ты тут же начнешь за упокой, заикнись я про Фому, ты обязательно свернешь все на Ерему. Черт знает что! Ну скажи на милость, ну чего ты сюда прибежала? Зачем? Что такого ты здесь увидела? (Вскочил.) Ну в самом деле! Ну откуда берутся у тебя эти дикие мысли, эти нелепые подозрения? Ну скажи, «у что, что может быть у меня с этой девчонкой? Ну? Чем, черт меня подери, похож я на влюбленного? Ну чем, я тебя спрашиваю! Похож

я на него хоть чем-нибудь?.. (Перевел дух.) Боже мой... Что за дурацкое утро! Что сегодня с вами? Что вам от меня надо?.. Я ни-че-го не хочу. Абсолютно ничего. Единственное мое желание – это чтобы меня оставили в покое. Все! И ты тоже. Ты – прежде всех!.. И вообще, с какой стати ты меня терроризируешь, по какому праву? Я не желаю больше этого терпеть, не же-ла-ю, ясно тебе?

КАШКИНА. Ясно... Но почему ты так разнервничался?

ШАМАНОВ. Уйди, Зина.

КАШКИНА. Что с тобой?.. На тебе лица нет... Ты не болел?

ШАМАНОВ. Уй-ди... Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Сейчас. С этой самой минуты.

КАШКИНА. Ладно, я уйду, но...

ШАМАНОВ (перебивает). Уйди. (Внезапно угас, опустился на стул. Негромко, полностью равнодушным голосом.) Уйди, я тебя прошу.

Кашкина уходит с недоумением и обидой. Пауза, во время которой Кашкина заходит во двор, появляется на лестнице и исчезает у себя в мезонине.

Появляется Пашка. Поднимается на веранду, некоторое время молча стоит перед Шамановым.

Ну?.. Что скажешь?

ПАШКА. Разговор у нас уже был... Может, ты меня не понял?.. Про Валентину понял ты или нет?

ШАМАНОВ. Пока нет. Еще не понял.

ПАШКА. Брось, не прикидывайся... Втихаря к ней подбiraешься, по-интеллигентному?.. А я тебе говорю прямо, и притом последний раз говорю: увижу тебя с ней – обоим не поздоровится... Худо будет. Говорю тебе честно. (Молчит.)

ШАМАНОВ. Все?.. А теперь иди... (Не сразу.) Иди, иди. Погуляй, остуди голову... (Небольшая пауза.) Предупреждаю тебя, сегодня у меня отвратительное настроение.

ПАШКА Это ты брось. Я тебе серьезно говорю: последний раз предупреждаю. А там!.. (Глухо.) Убью, понял?

ШАМАНОВ (усмехнулся). Убьешь?

ПАШКА. Убью. И не посмотрю, кто ты есть и че у тебя там на ремне прицеплено. Убью.

ШАМАНОВ. Да неужели?..

ПАШКА. Думаешь, пушки твоей постесняюсь?

ШАМАНОВ. Убьешь?

ПАШКА. Плевал я на твою пушку.

ШАМАНОВ (не сразу). А что пушка?.. Вот она. (Достал кобуру с пистолетом, вынул пистолет, положил его на стол и отодвинул от себя, ближе к Пашке.) Убьешь?

Пашка усмехнулся, взял пистолет, осмотрел его, вынул обойму, вставил обратно.

Что? Все в порядке?

Пашка подбросил пистолет на руке.

Стрелять-то умеешь?

Пашка усмехнулся.

А то ведь еще не убьешь – напугаешь только или, чего доброго, покалечишь... Или убьешь?

ПАШКА. Возьми. Надо будет, обойдусь и без него. (Протягивает пистолет Шаманову, но тот его не принимает. Пистолет остается у Пашки.)

ШАМАНОВ. Зачем же без него?.. Каким образом? Поленом, что ли? Или топором?.. Нет, милый мой, поленом – это вульгарно, поленом я не согласен... У тебя в руках неплохая машина. Старенькая, правда, но все же... Может, попробуешь?

ПАШКА. Брось, следовательно. Кончай. Мне не до шуток, учти это.

ШАМАНОВ. Мне тоже не до шуток.

ПАШКА. Держи. (Снова протягивает Шаманову пистолет.) Я тебя предупредил, ты меня понял. Разойдемся добром... Слышь? (Глухо.) Шуруй по чердакам. Знай свое место... И учти, этот разговор последний. Если увижу...

ШАМАНОВ (перебивает). Ты увидишь... Сегодня же ты

увидишь.

ПАШКА. Брось.

ШАМАНОВ. Мы встречаемся здесь. В десять вечера... Мы с ней давно встречаемся. Ты опоздал.

ПАШКА. Заткнись...

ШАМАНОВ. Ты зря стараешься. Ты ей не нужен.

ПАШКА (кричит). Заткнись, тебе говорят!

ШАМАНОВ. Ты ей не нужен.

Пашка отступает от Шаманова, сжимая в руке пистолет.

Она любит меня... Тебе не видать ее... идиот, как ты не понимаешь... никогда не видать... (Вцепившись руками в подлокотники стула, кричит истерически.) Стреляй!

Пашка нажимает на собачку – ясно слышен стук бойка. Осечка. На лице у Шаманова – ужас, потом недоумение. Пашка роняет пистолет.

(Приходит в себя, но разжать пальцы, которыми несколько секунд назад он схватился за подлокотники, ему не сразу удается. Но вот он овладел руками. Ладонью провел полбу и по глазам.) Подними пистолет.

Пашка поднимает пистолет.

Положи на стол.

Пашка положил пистолет на стол.

Уходи.

Пашка, чуть пошатываясь, будто пьяный, спускается с веранды. Он уходит. Шаманов хотел подняться, но безуспешно. Ноги его не держат.

Через мгновение появляется Еремеев. Что-то бормоча и охая, он усаживается на нижней ступеньке крыльца.

ЕРЕМЕЕВ. Ох-хо-хо...

ШАМАНОВ. Что, дед? Как твои дела?

ЕРЕМЕЕВ. Дела, ядреная бабушка. Человеку не верят, бумагам верят.

Шум подъезжающей машины.

Работал, сорок лет работал...

ШАМАНОВ (поднимается). Сочувствую тебе, дед. Помочь ничем не могу. (Прячет пистолет.)

Звук машинного тормоза, мужской голос: «Ну че, поехали?»

Сейчас поедem! (Берет со стола салфетку, достает ручку, быстро пишет и складывает салфетку вчетверо.) Дед, у меня к тебе просьба. Будь добр, передай эту бумагу Валентине. Знаешь Валентину?

Еремеев кивает. Шаманов отдает ему записку. Появляется Кашкина. Услышав голос Шаманова, она останавливается на пороге.

Отдашь ей. Только сразу, как она придет. Договорились?

Еремеев кивает.

Да смотри, другому кому не отдай.

ЕРЕМЕЕВ. Хорошо, хорошо.

ШАМАНОВ (себе). Ну вот... (Еремееву.) Спасибо, дед. (Быстро сходит с крыльца, исчезает.)

Шум отъезжающей машины. Кашкина спускается вниз.

КАШКИНА (покружив несколько перед Еремеевым, вступает с ним в разговор). Ну и как? Что у вас новенького?.. Были в райсобесе?.. Что там сказали? Дадут вам пенсию?

Еремеев качает головой.

А почему?

ЕРЕМЕЕВ. Ох-хо, бумаги надо. Ты грамотная, сама, однако, знаешь... (Живо.) Из города приехала?

КАШКИНА. Я?.. Да, из города...

ЕРЕМЕЕВ (с надеждой). Карасева знаешь?.. Начальником партии работал... Не знаешь?

Кашкина пожала плечами.

Эдельмана знаешь?

Кашкина качает головой.

Быкова, однако, тоже не знаешь...

КАШКИНА. Нет, нет, откуда же? Город ведь большой.

ЕРЕМЕЕВ. Где найдешь? Как найдешь?

КАШКИНА. Но почему? Если они там, если не разъехались...

ЕРЕМЕЕВ (махнул рукой). Здесь не найдешь, там совсем не найдешь.

КАШКИНА. Зря вы так. Вы не торопитесь, не падайте духом раньше времени... Что это у вас? (Показывает на записку, которую Еремеев держит в руке.)

ЕРЕМЕЕВ. А?.. Бумага. Девушка придет, отдать надо. Парень просил.

КАШКИНА (не сразу). А все-таки вы надежды не теряй-

те. Я про пенсию говорю... Я тут с одной женщиной беседовала. Вам надо к ней зайти... Она вас проконсультирует и... В общем, вы к ней зайдите.

ЕРЕМЕЕВ. Где работает?

КАШКИНА. Пойдете по этой улице, спросите райздрав, вам покажут. А в райздраве спросите Розу Матвеевну... Она вас ждет.

ЕРЕМЕЕВ (засуетился). Райздрав, говоришь? Ждет, говоришь?

КАШКИНА. Да, но как же вам быть? Ведь вам сейчас бумагу надо отдать... Надо?

ЕРЕМЕЕВ. Надо, надо.

КАШКИНА. Ну вот. И к Розе Матвеевне надо. Тоже сейчас... Что же делать?

ЕРЕМЕЕВ (расстроился). Что же делать?

КАШКИНА. Вот задача... Что же придумать?

ЕРЕМЕЕВ. Что же придумать?..

КАШКИНА. Ладно! Идите, так уж и быть. А бумагу давайте сюда. Я передам.

ЕРЕМЕЕВ (очень доволен). Спасибо, спасибо... (Отдает Кошкиной записку.)

КАШКИНА. А кому передать?

ЕРЕМЕЕВ. Валентину знаешь?

КАШКИНА. Ну как же.

ЕРЕМЕЕВ. Она придет, ей отдай.

КАШКИНА. Ну-ну, хорошо.

ЕРЕМЕЕВ (пошел, остановился). Роза, говоришь?

КАШКИНА. Роза Матвеевна, не забудьте.

ЕРЕМЕЕВ (снова приостановился). Бумагу Валентине отдай. Другому не отдай.

КАШКИНА. Ладно, ладно.

Еремеев уходит.

(Подходит к буфету, достает телефон, поднимает трубку.)
Дайте райздрав... (Ждет, потом.) Роза, ты?.. Привет... Роза, у меня к тебе просьба. Сейчас к тебе придет один старик... Эвенк, очень старый. Он насчет пенсии. Не удивляйся. Ему надо помочь, если можно... Ну я не знаю. Ты сама подумай. Может, санаторий, может, дом престарелых... Во всяком случае, выслушай его, посоветуй что-нибудь, посочувствуй... Да, надо... Ладно. Посочувствуй старому человеку – это само по себе неплохо. Согласна?.. Ну пока. (Убрала телефон, подошла к столику, уселась, на мгновение задумалась, потом решительно развернула записку, последние слова которой прочла вслух.) «...здесь... в десять вечера...» (Медленно складывает записку.)

Появляется Хороших.

ХОРОШИХ. Господи... Стыд и стыд. (Кошкиной.) Видала, поди... Сцепились-таки, разбойники. У меня сердце чу-

яло. (Зашла в чайную, появилась в буфете.) Да видно, не уйдешь: двум медведям в одной берлоге не место... (Не сразу.) А ты чего не на работе? Зинаида?.. Или не слышишь?

КАШКИНА. Что вам, Анна Васильевна?

ХОРОШИХ. А где Валентина?.. (Громко.) Валентина!.. Где она?.. Буфет нараспашку, касса открытая, она че думает?.. Давно здесь сидишь? Не видала ее?

КАШКИНА. Нет, Анна Васильевна.

ХОРОШИХ. Сроду без спросу не уходила, че это с ней? (Громко.) Валентина!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер

Конец того же дня. От дома и от палисадника – длинные вечерние тени. Солнце близится к закату.

Из помещения чайной время от времени раздается визг ножовки, стук молотка – там идет работа.

Валентина стоит на веранде перед палисадником. Хороших в буфете. Она щелкает на счетах, что-то записывает.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА (он поет).

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

ХОРОШИХ. На твоём месте, Валентина, я отсюда давно уехала бы. Слышишь?.. Целый месяц молчком, не надоело тебе? (Не сразу.) Ну действительно! Сестры у тебя выучились, по иркутским живут да по красноярским, а ты чем хуже? Ведь ты, поди, и в городе ни разу не была. Это в твои-то годы... Павел вон рассказывает: в городе и работать можно и

учиться – все условия. Ему вон и квартиру обещают, несмотря, что холостой... (Помолчала.) Отца твоего могу понять. Его хозяйство не пускает. И деньга леспромхозовская. (Значительно.) Тебя не понимаю. (Вдруг запальчиво.) Слушай! Докуда это будет продолжаться? Думаешь, заступился он за тебя, значит, что ж?.. Да ничего это не значит! Так просто, для порядка и вовсе не ради тебя. Не замечал он тебя и не замечает. Скажи, не так?

ВАЛЕНТИНА. Так, тетя Аня, так.

ХОРОШИХ. У него жена в городе! Знаешь ты про это?.. А Зинаида? Или ты не видишь?

ВАЛЕНТИНА. Вижу, тетя Аня.

ХОРОШИХ. Так из-за кого же ты переживаешь – подумай! Не стыдно тебе?

ВАЛЕНТИНА. Нет... Не стыдно... Я никому не навязываюсь. А из-за кого переживаю – это мое дело... И вы мне не запретите. Не то что вы, а если хотите знать, даже он сам не может мне запретить. Это мое дело.

Хороших энергично разводит руками, выражая тем самым крайнюю степень удивления и отчаяния что-либо доказать. Обе некоторое время молчат.

ХОРОШИХ (негромко, примирительно, с горечью). Что мне с Павлом делать? Как быть?.. Упрямый он. И дурной сделался... Упрямый он всегда был. Я мать ему, но выход-

ка у него не моя... Бывало, че увидит, ну пропало. Вынь да положь. Лет до десяти, пока я одна была, баловала я его. (Вздыхнула.) Потом отошла ему лафа. (Не сразу.) Не даст он нам покою... Слышишь, Валентина. Не отстанет он от тебя.

Небольшая пауза. Мечеткин появляется с левой стороны, минуя палисадник, подходит к буфету.

Что делать – не знаю. Кажется, сама бы сейчас взяла и сбежала куда глаза глядят.

МЕЧЕТКИН. Почему, Анна Васильевна? Я извиняюсь, что вмешиваюсь, но разве плохо вам здесь живется?

ХОРОШИХ. А что хорошего-то? Какое здесь житье?.. Ну нам еще, старикам, ну ладно, а для молодежи? Добра-то в нашем Чулимске. Одно комарье. Куда ни повернись – тайга в любую сторону на сотни верст. Другой раз как подумаешь – душно делается... Смотрите, Илья на что уж таежный житель, и то не выдерживает...

МЕЧЕТКИН. Глупо вы, между прочим, рассуждаете... Две котлеты, две простокваши и чай... Глупо и в корне неверно. И все ваши несчастья, между прочим, заключаются в том, что вы не выписываете ни одной газеты.

ХОРОШИХ. Действительно.

МЕЧЕТКИН. А то бы вы знали, что через несколько лет через нас пройдет железная дорога.

ХОРОШИХ. Обслужи его, Валентина. (Громко.) Вален-

тина!

Валентина оборачивается.

Очнулась? Дай ему котлеты. Валентина уходит в чайную.
(Как бы про себя.) Как в воду опущенная.

МЕЧЕТКИН. А что с ней?

ХОРОШИХ. А я знаю? (Усмехнулась.) Тоже, поди, газеты не выписывает.

Из чайной выходят Дергачев и Еремеев. Дергачев несет стремянку. Еремеев несколько брусков. Все это они складывают на веранде в углу.

ДЕРГАЧЕВ. Отдохнем, Илья. (Садится на ступеньку крыльца.)

Еремеев усаживается рядом. Валентина появляется, подает Мечеткину котлеты. Тот принимается за еду. Валентина уходит в чайную. Кашкина вышла на балкончик и тут же исчезла.

МЕЧЕТКИН (жует, обращаясь к Еремееву). Слышал я, ты пенсию хлопчешь?

ЕРЕМЕЕВ (машет руками). Обратнo ухожу, в тайгу ухожу.

МЕЧЕТКИН (обращаясь к остальным). Вот друг. За пенсией явился. Без документов.

ХОРОШИХ. Ну и что? Работал же человек. Если он не знал про бумаги эти, виноват он, что ли?

МЕЧЕТКИН. Кто же виноват? Жил, понимаете, беззаботно, как птичка божья, а?.. Ну вот, а теперь будь любезен, расплачивайся за собственное легкомыслие. (Жует.) У тебя дети есть?

ХОРОШИХ. Дочь у него. А что толку? Уехала – и с концом.

МЕЧЕТКИН. Совершеннолетняя?

ХОРОШИХ. Хватился. За сорок, поди, не меньше.

МЕЧЕТКИН. Вот народец. А раньше у них и того хуже было. Раньше они стариков вообще бросали. Сами, понимаете, на новое место, а стариков не берут. Продуктишек им оставят на день, на два, а сами ходу. (Еремееву.) Был такой обычай.

ХОРОШИХ. Ты обычаем ему не тычь, скажи лучше, что ему делать. (С насмешкой.) Ты у нас парень авторитетный, вес имеешь, законы знаешь – вот и давай.

МЕЧЕТКИН (не замечая насмешки, раздувается). Гм. Что ж... Могу дать ему добрый совет.

ХОРОШИХ. Ну?

МЕЧЕТКИН. Пусть в суд подает.

ЕРЕМЕЕВ (испуганно). Почему в суд?

МЕЧЕТКИН. На дочь свою, на алименты. Разыщут твою

дочь, будешь с ней судиться.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем суд? Почему дочь? Нет, нет! Не надо!

МЕЧЕТКИН (всем). Струсил. Вот друг. (Еремееву.) Чего испугался? Судить будут заочно, притом в твою же пользу. И притом...

ЕРЕМЕЕВ (перебивает). Нет, нет! Обратно ухожу, в тайгу ухожу.

ХОРОШИХ. Нет, Илья, ты послушай. (О Мечеткине.) Дурак дураком, а дело говорит.

МЕЧЕТКИН (оскорбился). Анна Васильевна! Вы забываетесь.

ХОРОШИХ (Еремееву). Ты пойми, ведь дочь твою найдут.

ЕРЕМЕЕВ (дрогнув). Найдут, говоришь?

ХОРОШИХ. В чем и дело. Помогать она тебе должна. А не захочет, ну тогда ее судом заставят.

ЕРЕМЕЕВ (качает головой). Нет, нет! В тайгу ухожу.

ДЕРГАЧЕВ. Ну и правильно. Научат они тебя: с собственной дочерью судиться. А ты не слушай. Ты век не судился, и не твое это дело.

Кашкина появляется на своем балкончике.

Твое дело свободное. Закон – тайга, прокурор – медведь. Собирайся, брат, до дому.

ЕРЕМЕЕВ (закивал). До дому, до дому.

ДЕРГАЧЕВ. И вот, Илья, я с тобой пойду.

Хороших насторожилась.

ЕРЕМЕЕВ. Ты пойдешь?

ДЕРГАЧЕВ. А что? Или не возьмешь?

МЕЧЕТКИН (с осуждением). Вот друзья, вот, понимаете.

(Поднимается.)

ДЕРГАЧЕВ (Еремееву). Забыл, как вместе промышляли?

ЕРЕМЕЕВ. Давно, однако, было... До войны, однако.

ДЕРГАЧЕВ. А ты не бойся. От тебя я не отстану. Уж как-нибудь. (Поднимается, уходит в чайную.)

Еремеев идет за Дергачевым. Мечеткин, намереваясь пройти через палисадник, подходит к калитке, но в это время его окликает Кашкина.

КАШКИНА. Иннокентий Степаныч!

МЕЧЕТКИН. А? (Оборачивается.)

КАШКИНА. Который час?

МЕЧЕТКИН. Э-э... Двадцать минут девятого.

КАШКИНА. Спасибо. (Поворачивается, чтобы уйти).

МЕЧЕТКИН. Зинаида Павловна! Извините, есть один разговор.

КАШКИНА. Да?

МЕЧЕТКИН. Нет, нет! Разговор серьезный, вопрос обо-

юдоострый. Я должен поговорить с вами как член месткома.

Дергачев выходит из чайной с ножовкой в руках. Взял брусок, начал пилить.

КАШКИНА. Так что? Мне к вам спуститься или вы ко мне подниметесь?

МЕЧЕТКИН. Вам – как можно? Я поднимусь. (Направляется во двор, потом по лестнице наверх.)

ХОРОШИХ. Ты чего старика дразнишь? Какой ты ходок? Какая такая охота?

ДЕРГАЧЕВ. Дело мое. Тебя не спрашивают.

ХОРОШИХ. С ума сошел? Здесь маешься, а там...

ДЕРГАЧЕВ (перебивает). Все лучше, чем здесь. Пойду – и никаких. И давай без шума. Хватит.

Мечеткин поднялся к Кашкиной, она усадила его на балкончике.

ХОРОШИХ (насмешливо). Станете соболей добывать – припаси уж и на мою долю, не забудь... (Без насмешки.) Забудешь?.. А было что дарил.

ДЕРГАЧЕВ. Было, да прошло. (Уходит в чайную.)

Хороших вытирает платком глаза.

Из чайной слышен стук – Дергачев работает.

КАШКИНА (вся в себе). Я вас слушаю.

МЕЧЕТКИН. Видите ли, Зинаида Павловна... Вопрос, с одной стороны, узколичный, а с другой стороны, должен вам сказать...

КАШКИНА. О чем это вы? Говорите прямо.

МЕЧЕТКИН. Поймите меня правильно. Лично я против вас и против товарища Шаманова ничего не имею.

КАШКИНА (рассеянно). Ага... Понятно... Ну и что?

Хороших выходит из буфета в чайную.

МЕЧЕТКИН. Все бы ничего, но сигналы, Зинаида Павловна. Сигналы поступают. Надо же как-то реагировать... (Хлопнул себя по щеке – убил комара.) Что будем делать?

КАШКИНА (себе). Что делать?.. Что делать?.. (Мечеткину.) Вы водку пьете? Давайте выпьем водки.

МЕЧЕТКИН. А?

КАШКИНА. Хотите выпить?

МЕЧЕТКИН. С вами? (Остолбенел от внезапно открывшейся передним возможности.) Если вы не шутите...

КАШКИНА. У вас есть деньги?

МЕЧЕТКИН. Е-есть...

КАШКИНА. Так в чем же дело? Жмите вниз, несите бутылку. Потом рассчитаемся... Что такое? Может, вы непьющий?

МЕЧЕТКИН. Н-нет, я употребляю... В отдельных случаях...

КАШКИНА. Тогда чего вы стоите?

Мечеткин двинулся, но в противоположную от лестницы сторону.

Вы куда?.. Что это с вами? Вы случайно не алкоголик?

МЕЧЕТКИН. Ни в коем случае.

КАШКИНА. Так что с вами такое?

МЕЧЕТКИН. Ничего, Зинаида Павловна! Побегал за водкой.

КАШКИНА. Подождите... Что-то мне расхотелось пить.

МЕЧЕТКИН (не сразу, драматическим тоном). Все ясно. Это был минутный каприз, я так и знал.

КАШКИНА. Что-о?

МЕЧЕТКИН. А может... сбегать все же?

КАШКИНА. Нет, не надо.

МЕЧЕТКИН. Зинаида Павловна! Поймите меня правильно. Я не по легкомыслию, я, Зинаида Павловна, серьезно... Я жениться могу.

КАШКИНА. Что-что-что? (Машет руками – отгоняет комаров.)

МЕЧЕТКИН (упавшим голосом). Женюсь...

Кашкина рассмеялась.

Зинаида Павловна...

Она смеется.

Зинаида Павловна... Вы забываетесь...

КАШКИНА (сквозь смех). Иннокентий Степаныч, золото... Ну могла ли я надеяться, что кто-нибудь меня сегодня рассмешит?

МЕЧЕТКИН. Вот, значит, как? Значит, вы меня разыграли? Я к вам всей душой, а вы ко мне, извините?

КАШКИНА. Да нет же, просто мы друг друга не поняли... Спасибо вам за ваше предложение, но... Уверяю вас, зря вы так обиделись. Ну подумайте, гожусь я вам в невесты?

МЕЧЕТКИН (неуверенно). А что, Зинаида Павловна?

КАШКИНА. Ну что вы? Вы такой принципиальный, такой положительный, а я?.. вспомните-ка, зачем вы сюда пришли. вспомнили?.. Скажите, вы были женаты?

МЕЧЕТКИН. Ни разу.

КАШКИНА. А я и замужем побывала. Видите... Нет, Иннокентий Степаныч, увы, я вам не пара. Вам надо искать невесту, достойную вас. Достойную, вы понимаете?.. Что требуется от невесты? Прежде всего невинность. Вы согласны?.. (Задумчиво.) Ума не надо. Забота, преданность – все это лишнее. Опыт – ни в коем случае. Главное – невинность... Вам все понятно? Ищите девушку.

МЕЧЕТКИН. Легко сказать, если они все разбежались.

КАШКИНА. Всели?

МЕЧЕТКИН. Поголовно, Зинаида Павловна. Труба у нас с этим вопросом. Прямо катастрофа.

КАШКИНА. Плохо ищете.

МЕЧЕТКИН. Плохо? Да я все места прочесал. Все учреждения. Не в школу же мне идти, сами понимаете... (Не сразу.) Кого вы имеете в виду? Даже не знаю.

КАШКИНА. Подумайте...

Мечеткин думает, потом разводит руками.

Боже мой, да она тут, под самым вашим носом.

МЕЧЕТКИН (удивился). Валентина?

КАШКИНА. Неужели она вам не нравится?

МЕЧЕТКИН (не сразу). Но она... ей... Мне, Зинаида Павловна, уже сорок лет.

КАШКИНА. Вот и прекрасно.

МЕЧЕТКИН. Я, извините, лысый. (Снимает шляпу, показывает лысину.)

КАШКИНА. Ерунда. Просто у вас открытый лоб. Очень выразительный.

МЕЧЕТКИН. Но она такая э-э... миниатюрная, а я, извините...

КАШКИНА. Что вас смущает? Полнота мужчине не вредит. Она придает ему импозантность.

МЕЧЕТКИН. Как вы сказали?

КАШКИНА. Импозиантность. Разве не так?

МЕЧЕТКИН. Слово красивое.

КАШКИНА. Вы себя явно недооцениваете.

МЕЧЕТКИН. Выдумаете...

КАШКИНА (перебивает). Я уверена. Вы тут первый жерих. Это вам каждый скажет.

МЕЧЕТКИН. А Пашка?

КАШКИНА. Он ей не нравится.

МЕЧЕТКИН. А вам не кажется, что она поглядывает на... э-э... на другого?

КАШКИНА. Вам показалось. И нечего рассуждать, надо действовать. Поговорите с ней, пригласите ее погулять, у вас есть лодка, покатайте ее на лодке, побеседуйте с ее отцом, вы местный житель, он человек патриархальный, да мало ли что? За счастье, Иннокентий Степаныч, надо драться. Зубами и ногами. Ясно вам?

МЕЧЕТКИН (вдохновился). Я вас понял.

КАШКИНА (как бы спохватываясь). Извините, что-то у меня голова разболелась. (Исчезает в мезонине.)

МЕЧЕТКИН (не сразу, но решительно). Зубами и ногами! (Спускается по лестнице, появляется внизу. Прошелся несколько раз по веранде, остановился у буфета. Постучал пальцем по витрине.) Анна Васильевна!

Появляется Хороших.

Будьте любезны э-э... порцию котлет.

ХОРОШИХ (взяла у Мечеткина деньги, выдала ему талон. Громко.) **Валентина!**.. Одни котлеты. (Исчезает.)

Мечеткин уселся за столик. Валентина появляется с котлетами.

МЕЧЕТКИН (принимает тарелку, отставил ее в сторону). Валентина... Дело не в котлетах. Дело в том, что мне надо решить с тобой один вопрос... (Хлопнул себя по шее – убил комара.) У твоего отца на лодке какой мотор? «Москва»? А у меня, между прочим, «Вихрь». На десять лошадей больше. Но вопрос не в этом... Когда ты заканчиваешь работу?

ВАЛЕНТИНА (пожала плечами). Через час примерно. А что?

МЕЧЕТКИН. Ну вот, перенесем этот разговор на после работы.

ВАЛЕНТИНА. Можете сейчас сказать... (Отгоняет руками комаров.)

МЕЧЕТКИН. Нет, Валентина. Разговор будет серьезный. Вопрос довольно обоюдоострый. Нет, не сейчас.

ВАЛЕНТИНА (пожала плечами). Как хотите... (Уходит чайную.)

МЕЧЕТКИН (проводил Валентину взглядом, потом). Зубами и ногами... (Придвинул к себе тарелку, принялся за

еду.)

С этого момента медленно, как это бывает в природе, наступает вечер. Освещение таким образом убывает постепенно, незаметно для глаза.

Приближающийся треск мотоцикла. Мечеткин поспешно доедает котлету. Мотоцикл замолк, у своих ворот появляется Помигалов.

(Приподнимает шляпу, которая во время еды была у него на голове.) Лесорубам, передовикам производства!

ПОМИГАЛОВ. Добрый вечер.

МЕЧЕТКИН (поспешно спускается с крыльца и помогает Помигалову вкатить во двор мотоцикл.) Отличная машина. Но я, между прочим, нацелился на «Запорожца». (Закрывает ворота.) Федор Игнатьевич, как у вас со временам?.. Видите ли, есть один разговор.

ПОМИГАЛОВ. Разговор?.. Что ж, выкладывай.

МЕЧЕТКИН. Разговор серьезный, вопрос обоюдострый...

Оба исчезают во дворе. Валентина появляется, прибирает на столе.

Появляется Пашка. Сейчас он с ружьем за плечам и. Одет он в робу защитного цвета, обут в резиновые сапоги. На поясе ремень, на котором болтаются два рябчика. Негромко на-

свистывая, он поднимается на веранду.

ПАШКА (подходит к Валентине, демонстрирует рябчиков). Трофеи... Мало их стало... Возьми, если хочешь.

ВАЛЕНТИНА. Не надо. (Убила комара на своей руке.)

ПАШКА. Поговорим, Валя.

Небольшая пауза.

Когда я отсюда уезжал, ты вот (показывает) была. Совсем пацанка, я и не смотрел на тебя... Да и смотреть не на что было... За шесть лет, Валя, я кое-что повидал. И геологию тебе, и службу, и стройки разные, и городской жизни попробовал...

ВАЛЕНТИНА. Не много ли?

ПАШКА. Я, Валя, везде нужен. Не об этом речь... Вот, говорят, в гостях хорошо, а дома лучше. Может, правда? Может, хватит мне шататься? Здесь дом, хозяйство, леспромхоз – работы навалом. Шофера здесь, говорят, неплохо заколачивают... Может, закрыть гастрولي и приземлиться на лоне родной природы? Может, так, Валя?.. (Ждет, потом.) Че молчишь? Совета у тебя спрашиваю.

ВАЛЕНТИНА. Твое дело. Что я тебе посоветую?

ПАШКА (глухо). Следовательно ждешь?

Валентина качает головой: нет, никого я не жду.

Врешь.

Валентина пытается уйти.

(Не пускает ее.) О чем с ним говорила? Утром.

Валентина молчит.

Я все знаю.

ВАЛЕНТИНА. Ты что, подслушивал?

ПАШКА. Зачем? У меня нет такой удачи – подслушивать... У нас с ним разговор был. (Помолчав.) Он сказал, что ты будешь его ждать. Здесь. В десять часов... Нет, что ли? Что так смотришь?.. Брось, Валя, не прикидывайся. Он сказал, что вы с ним давно встречаетесь.

ВАЛЕНТИНА. Не ври, Павел.

ПАШКА. Я вру?

ВАЛЕНТИНА. А то нет. Ты меня выпытываешь. Не мог он так сказать.

ПАШКА. Сказал.

Валентина качает головой.

Давно встречаемся. Так и сказал.

ВАЛЕНТИНА (качает головой, потом как бы про себя).

Разве что снова пошутил.

ПАШКА. Разговор был серьезный.

ВАЛЕНТИНА. Ты его не знаешь. Шутит он или серьезно – сразу у него не поймешь... Ну зачем ему выдумывать, чего не было?

ПАШКА. Не было?

ВАЛЕНТИНА (с сожалением). Да, не было.

ПАШКА. Точно не было?

ВАЛЕНТИНА (запальчиво). Было, не было – тебе-то что? Было бы, если бы он захотел! Так и знай.

Небольшая пауза. Кашкина появляется и спускается вниз. В руке у нее хозяйственная сумка.

ПАШКА. Не хочу знать, Валя. Ничего не хочу знать. (Глухо.) В Потеряихе сегодня танцы...

ВАЛЕНТИНА. Нет...

ПАШКА. На руках тебя понесу. До самой Потеряихи.

ВАЛЕНТИНА. Нет. (Мягче.) Я не пойду... Не могу я с тобой пойти, пойми.

ПАШКА (капает головой). Я тупой, Валя, я не пойму.

КАШКИНА (поднимается на веранду). Добрый вечер. (Пашке о рябчиках.) Ах, какая роскошь! Молодцом, молодцом. Поздравляю... Это куропатки?

ПАШКА. Рябчики.

КАШКИНА. Рябчики? Ах, какая роскошь! И они что,

прямо в лесу... летают?

ПАШКА. Эти свое уже отлетали.

КАШКИНА. Ужасно... У-у, какие брови! Вы посмотрите, какие красные,

ПАШКА. Самец.

КАШКИНА. А ведь я никогда не ела рябчиков.

ПАШКА (протягивает ей рябчиков). Ну вот попробуйте.

КАШКИНА. Ну что вы, я не для того сказала.

ПАШКА. Берите, берите.

КАШКИНА. Нет, нет. Вас ждут с добычей...

ПАШКА (перебивает). Держите, нас много, нам все равно не хватит, а одной вам в самый раз.

КАШКИНА. Нет, нет. (Со значением.) Я ужинаю не одна, у меня будет гость, так что...

ПАШКА. Берите, вам говорят. На двоих, по штуке на каждого – тоже ничего. (Сует Кошкиной рябчиков.)

Во время разговора Валентина стоит перед палисадником, глядя прямо перед собой.

КАШКИНА (принимает рябчиков). Спасибо. Но я за них заплачу. (Роемся в сумочке.)

ПАШКА. Это вы бросьте. Или так берите, или...

КАШКИНА. Ну спасибо... А ведь я шла за этими дрянными котлетами. (С восторгом.) Ах, какой у меня сегодня будет ужин! Настоящий сюрприз. Мужчины любят рябчиков,

не правда ли?

ПАШКА. А как же. Особенно если... (Жестом обозначает выпивку.)

КАШКИНА. Да! Сегодня это просто необходимо. Валентина, что там у вас есть, какое вино?

Валентина не отвечает.

По-моему, вермут. (Поморщилась.) Нет! Не годится. Иду в магазин. (Спускается с крыльца, подходит к калитке палисадника.)

ВАЛЕНТИНА. Обойдите кругом.

Кашкина останавливается и подчеркнуто вопросительно смотрит на Валентину.

Обойдите, пожалуйста, кругом.

КАШКИНА. Ах да! Извини, все время забываю... Пожалуйста. (Обходит палисадник.) Это мне ничего не стоит. (Исчезает.)

ПАШКА (подходит к Валентине). Валя...

Валентина поворачивается и быстро уходит в чайную. Пашка, чуть помедлив, спускается с крыльца и уходит. На этот раз – минуя палисадник. Со двора выходят Мечеткин и Помигалов с канистрой в руке,

МЕЧЕТКИН. Значит, если я вас правильно понял, вопрос упирается в личную инициативу.

ПОМИГАЛОВ. Назови, как хочешь, а тут не я главный. Сам знаешь, как нынче водится.

МЕЧЕТКИН. Ясно, Федор Игнатьевич. Если вы не возражаете, первую встречу я назначил сегодня.

ПОМИГАЛОВ. Уже назначил? Гляди, какой шустрый.

МЕЧЕТКИН. Оперативность, Федор Игнатьевич... Если вы не возражаете.

ПОМИГАЛОВ (усмехнулся). Возражать не имею права. (Насмешливо.) Но смотри у меня.

МЕЧЕТКИН. Что вы, Федор Игнатьевич!

ПОМИГАЛОВ. А то ведь у меня дробовик близко. В сенах висит. А меня ты знаешь.

МЕЧЕТКИН. Что вы! Кто ж вас не знает? Да я разве позволю? Нахальство, Федор Игнатьевич, совсем не в моих интересах.

ПОМИГАЛОВ. Ну-ну. Действуй. Вдруг да – мало ли что. А пока топай.

МЕЧЕТКИН. До свиданья, Федор Игнатьевич. (Приподнял шляпу.) До свиданьица. (Уходит.)

ПОМИГАЛОВ (громко). Валентина!

Валентина выходит из чайной, спускается с веранды, подходит к отцу.

ВАЛЕНТИНА. Ты куда собрался?

ПОМИГАЛОВ (кивая в сторону, куда ушел Мечеткин).

Видала?.. Говорит, свидание тебе назначил.

ВАЛЕНТИНА. Глупости, папа. Он просто хотел о чем-то поговорить.

ПОМИГАЛОВ (усаживается на скамейку). Он свататься приходил.

ВАЛЕНТИНА (улыбнулась). Свататься?.. (Усаживается рядом с отцом.)

ПОМИГАЛОВ. А ты думала?

ВАЛЕНТИНА. Не смехи, отец.

ПОМИГАЛОВ (не сразу). А я тебя не смешу. Я серьезно говорю... Скажи-ка мне, тебе сколько лет?

ВАЛЕНТИНА. А ты не знаешь?

ПОМИГАЛОВ. Ты не знаешь. Все еще детством занимаешься. А ведь тебе уже немало. Тебе, Валентина Федоровна, замуж пора.

ВАЛЕНТИНА (легко). Правда?

ПОМИГАЛОВ. А ты как думала? Самое время. А где твои женихи?.. Ну где? Эти, что тут крутятся, это не женихи, я тебя в сотый раз предупреждаю. Не дай бог с которым увижу – из этих.

ВАЛЕНТИНА (прижалась к отцу). Постой, папа! Что-то не то ты говоришь. То за порог не выпускаешь, а то сразу – замуж.

ПОМИГАЛОВ (строго). А ты слушай. Пришло время, и говорю. Женихов не вижу. Это – первый. Один. И свататься пришел. Сам пришел, по чести, по хорошему. И что? А я уважаю.

ВАЛЕНТИНА (путь от него отодвинулась). Папа... Ты взаправду, что ли?

ПОМИГАЛОВ. А что?.. Старый, скажешь? А я тебе скажу – как смотреть. Мать твоя, покойница, меня на пятнадцать лет была моложе. И что?.. А на сестер оглянись. Ну пошли они за молодых, и что вышло? Одна теперь без мужа мается, другая – неизвестно как. Отца родного позабыла. А нам наука. Кеха, может, и не первого разбору жених, зато...

ВАЛЕНТИНА. Папа! Ну что ты говоришь? Ведь он смешной. Да и вообще! Я и слушать-то тебя не хочу.

ПОМИГАЛОВ. Нет, ты послушай. Человек сватается, значит, он требует к себе отношения. Просмеять его недолго, а я считаю, не смеяться надо, а задуматься. Не такой он и смешной. Трудится честно, не пьет, не дерется, и дом у него, и скарб, и деньги есть. (Как бы предупреждая возражение.) Да, Валентина Федоровна, и деньги! Потому, если у человека есть деньги, значит, он уже не смешной. Значит, серьезный. Нищие нынче из моды вышли. Даже по городам пошло: и свадьбу надо, и кольцо, и сберкнижку. И что? А я приветствую.

ВАЛЕНТИНА (поднимается). Папа... ты... Ты куда-то собирался... Иди куда собирался.

ПОМИГАЛОВ (поднимается, внушительно). Неволить не могу. А подумать – подумай... Об городе не мечтай. Помни: пока я жив, твой дом здесь. Вот он стоит. (Показал.) Советская, тридцать четыре. Отсюда и располагай. (Пошел, остановился.) Загони кур, телка накорми. И чтоб к одиннадцати дома была.

После его ухода Валентина снова опускается на скамейку. Солнце уже скрылось, и с этого момента на дворе начинает заметно темнеть.

В буфете появляется Хороших, а с улицы Пашка – одновременно. Пашка одет так, как он был одет утром. Он направился было к Валентине, но Хороших его окликнула.

ХОРОШИХ. Павел!.. Пойди сюда.

ПАШКА (подходит, не сразу). Ну, мать, че скажешь?

ХОРОШИХ (не сразу, мягко). Собирайся, Павел. Надо тебе ехать... Уезжай.

ПАВЕЛ (не сразу). Все?

Валентина поднимается и входит во двор.

ХОРОШИХ. Не гоню я тебя. Прошу... Сделай, Павел, для матери... Пожалей меня.

ПАШКА. Так... (Грубо.) А меня кто пожалеет?

Из чайной выходит Дергачев, в руке у него ящик с инструментами.

ДЕРГАЧЕВ (на пороге). Живей, Илья, живей. Приберут, не наше это дело.

Еремеев появляется и идет следом за Дергачевым.

ХОРОШИХ (с наигранной бодростью). Эй, работники! Куда вы? Дело сделано – садитесь, так уж и быть.

ДЕРГАЧЕВ (на ходу). Благодарим. Мы по воздуху погуляем. (Еремееву.) Живей, Илья.

Оба проходят через палисадник, исчезают.

ПАШКА. До магазина подались. (Не сразу.) Опять ты перед ним стелешься?

ХОРОШИХ (не сразу). Я перед ним всю жизнь стелюсь. Понятно тебе?

ПАШКА. Брось. Сколь вас вижу, вечно вы как собаки лаетесь.

ХОРОШИХ. Верно. Как собаки. При тебе. А без тебя – это ты врешь.

ПАШКА (не сразу). Вон, значит, как. При мне, значит...

ХОРОШИХ (резко). Завтра же уезжай.

Небольшая пауза. Хороших быстро прибирается, запирает кассу, – словом, собирается уходить.

ПАШКА. Спасибо, мать... Приласкала ты меня, приголубила...

Хороших выходит из буфета, появляется на веранде, закрывает буфет снаружи, потом – двери в чайную.

Мать, а кто виноват?..

Валентина появляется и останавливается у скамейки.

Кто виноват, мать?.. Говори... Откуда я взялся? Ты меня родила или не ты?

ХОРОШИХ. Замолчи!

ПАШКА. Кто ждал твоего Афанасия?

ХОРОШИХ (кричит). Замолчи!

ПАШКА. Кто его не дождался?

ХОРОШИХ. Замолчи!

ПАШКА. Ты или я?

ХОРОШИХ. Замолчи! Будь ты проклят... (Ищет оскорбления, потом.) Крапивник!

Молчание.

(Приходит в ужас от того, что она только что произнесла.)
Паша... сынок... (Плачет.) Прости меня... (Идет к Пашке,
но он ее останавливает.)

ПАШКА (глухо). Ладно, мать... Иди...

Хороших плачет.

Иди, мать.

ХОРОШИХ. Прости, сынок, и... (Сквозь слезы.) Уезжай,
сынок... Уезжай от греха подальше... (Уходит через пали-
садник, утирая глаза платком.)

Пашка медленно прошел до крыльца, уселся на ступеньку.
Небольшая пауза. Валентина подходит к Пашке.

ПАШКА (с горечью). А говорят, дома лучше. Не соответ-
ствует... (Вдруг хватил кулаком о перила.)

Пауза. Пашка сидит, понутив голову.

ВАЛЕНТИНА (подходит к нему поближе и осторожно ка-
сается его плеча). Павел... Павел... Я пойду... На танцы.

ПАШКА (поднял голову). Пожалела?.. Не надо.

Появляется Кашкина.

ВАЛЕНТИНА. Я переоденусь, и мы пойдем... Сейчас.
(Быстро уходит домой.)

КАШКИНА (растерянно). Уже закрыли?.. Вот несчастье. Вспомнила, что у меня нет лука. Скажите, можно их приготовить с чесноком? Без лука?

ПАШКА. Все равно.

КАШКИНА. Спасибо... (Заходит во двор, появляется наверху на лестнице, но, пройдя ее наполовину, останавливается и садится на ступеньки, поставив рядом свою сумку. Небольшая пауза. Поднимается и решительно спускается вниз. Ее сумка остается на ступеньках лестницы.)

ГОЛОС КАШКИНОЙ (во дворе). Подожди, Валя!.. Поймай!.. Послушай меня. Не ходи. Не делай этого... Подожди, послушай меня.

ГОЛОС ВАЛЕНТИНЫ. Я вам, кажется, не мешаю. Что вам от меня надо?

Валентина появилась и резко захлопнула за собой калитку. Она в сиреновом платье, в руке у нее синяя кофта.

ВАЛЕНТИНА (подходит к Пашке, останавливается перед ним; улыбается). Ну вот. Я собралась.

Пашка поднялся, некоторое время смотрит на нее, потом вдруг подхватывает ее на руки.

Нет! Нет!.. (Мягче.) Я сама пойду.

Пашка ее отпускает.

(У палисадника. Медленно, в задумчивости дотрагивается рукой до калитки.) Ну вот... Снова все поломали...

ПАШКА. Че? Снова за ремонт? (Смеется.) Ну, Валюша, подписалась ты с этим палисадником!.. Ладно. Дай я его налажу. (Направляется к калитке, но Валентина жестом его останавливает.)

ВАЛЕНТИНА. Не надо.

ПАШКА. Да я его мигом.

ВАЛЕНТИНА. Нет. Это напрасный труд. Надоело... Идем. (Проходит напрямик, через палисадник. Пашка – за ней.)

ПАШКА (на ходу). В Потеряху?.. Или в Ключи?

ВАЛЕНТИНА. Все равно.

Оба исчезают. Кашкина выходит со двора, делает несколько нерешительных шагов вслед за ними, останавливается. К этому времени уже наступили сумерки. Небо еще синее, но на земле исчезли тени и стелется мрак. Еще хорошо различаются фигуры, но лица можно уже не узнать. Кашкина поднимается на веранду и тихо садится в углу за столик. Пройдет четверть минуты, прежде чем появится Мечеткин.

Мечеткин, минуя палисадник, подходит к крыльцу. Мож-

но заметить, что он прифрантился: сорочка белеет под темным пиджаком. Воображая из себя незаурядного кавалера, присаживается на перила, достает белый платок, сначала эффектно им обмахивается, затем громогласно в него сморкается.

МЕЧЕТКИН (задушевым голосом). Замечательная погода. В начале августа, между прочим, обычное явление... Листал я сегодня одну книженцию. Так, вместо отдыха. И вот попало мне там одно стихотворение. Лирическое, между прочим... Такое... (Мнется, напрягает память.) Одну минуту...

КАШКИНА (безразлично). Не трудитесь вспоминать.

МЕЧЕТКИН. Простите... (Поднимается на веранду.) Это вы?.. Извините, но здесь должна быть...

КАШКИНА. Ее здесь нет.

МЕЧЕТКИН. Нет?

КАШКИНА. И не будет.

МЕЧЕТКИН. Как же? Она должна быть...

КАШКИНА. Не будет... Можете ее не ждать.

МЕЧЕТКИН. Почему же? У меня назначено. Я подожду. (Усаживается на перила.) Надеюсь, я вам не помешаю. (Обмахивается платком.)

КАШКИНА. Зря ждете. Идите лучше домой.

МЕЧЕТКИН. То есть?.. Что вы этим хотите сказать?

КАШКИНА (с раздражением). Я говорю, отдыхайте. Иди-

те домой.

МЕЧЕТКИН (задет ее тоном). Между прочим, Зинаида Павловна, вы этого не решаете: сидеть мне или идти домой. Это вопрос узколичный.

КАШКИНА. Ну и болван же вы, Мечеткин.

МЕЧЕТКИН (поднимается). Болван?.. Зинаида Павловна, вы забываетесь.

Появляется Шаманов. Он идет быстро, почти стремительно. Взбегает на веранду.

ШАМАНОВ (Кошкиной). Зина?.. (Прошелся по веранде, смотрит по сторонам, вернулся к Кашкиной.) Мне надо с тобой поговорить.

МЕЧЕТКИН. Не буду мешать. Но учтите, Зинаида Павловна, я вашу аллегорию понял. (Уходит.)

ШАМАНОВ. Зина... Я должен перед тобой извиниться. За утрешнее. Я был к тебе несправедлив. Прости, ты оказалась права. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Ты самая умная женщина на свете.

КАШКИНА (с горькой усмешкой). Вот как?

ШАМАНОВ (подсаживается к Кошкиной, берет ее заруку). С первого дня, сколько мы друг друга знаем, ты понимала меня с полуслова. (Смеется.) Да! Ведь утром я говорил тебе совсем не то!.. Ты удивляешься?.. Зина!.. Я сам удивляюсь. Но такой уж сегодня день – утром одно, а вечером

совсем другое. Странный день. Но, честное слово, он стоит всех моих дней в Чулимске. Ты тыщу раз права: разве я жил здесь, разве можно назвать это жизнью? Я спал, спал на ходу, я дрыхнул. Бессовестно, беспросветно дрыхнул все эти четыре месяца... Слушай! Это было недавно. Утром я проснулся и увидел свои руки. Они лежали у меня на груди – мои собственные руки, – и вдруг – ты слышишь? – они показались мне чужими. Представь себе это! Сначала руки, а потом весь я: все тело и даже мысли показались мне не моими. Все будто бы принадлежало другому человеку! Сейчас я думаю об этом с ужасом, а тогда – и вот в чем главный-то ужас! – тогда мне было все равно. Так все равно, что я даже не почувствовал, что я дошел до ручки. Понимаешь ты меня, Зина? Как я жил, дальше так жить было нельзя. И вот сегодня... (Поднялся.) Удивительный сегодня день! Ты можешь смеяться, но мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово! Этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, – я сейчас ехал через лес, – трава, деревья, запахи – мне кажется, я не слышал их с самого детства... (Сел, снова взял ее за руки.) Пойми меня. Ведь только сейчас я вижу тебя по-настоящему... Ты самая добрая, самая умная, самая красивая женщина на свете. Ты прекрасная женщина. Я хочу, чтобы ты меня поняла. Я хочу, чтобы ты меня простила. Я хочу... Я хочу тебя спросить... Где! Валентина?

КАШКИНА (не сразу). Она... Они ушли на танцы.

ШАМАНОВ. С кем?

КАШКИНА. С Пашкой.

ШАМАНОВ. Не может быть...

КАШКИНА. Твоя записка... Она попала ко мне... Вален-

тина ее не видела...

ШАМАНОВ. Что?.. И ты могла...

КАШКИНА. Я хотела ей сказать...

ШАМАНОВ. Ну?

КАШКИНА (безнадежно). Что ты назначил ей свидание,

она этого не знает.

ШАМАНОВ. Когда она ушла?

КАШКИНА. Полчаса... Минут двадцать назад.

ШАМАНОВ. Куда? В Ключи?.. В Потеряху?

КАШКИНА. В Потеряху.

ШАМАНОВ. Врешь.

Кашкина не отвечает. Шаманов молча смотрит ей в глаза, потом сбегает с крыльца и быстро уходит налево, в сторону, противоположную той, куда ушли Валентина и Пашка.

КАШКИНА (поднимается, быстро идет к крыльцу, останавливается, кричит). Они пошли в Потеряху!.. Володя!

Пауза. Потом Кашкина заходит во двор, медленно поднимается к себе в мезонин.

Затемнение. Пауза. Потом – не менее полминуты – нарастающий треск дизеля, дающего Чулимску освещение. Далее – треск дизеля становится ровным, приглушенным. Им сопровождается вся последующая картина.

Ночь

Электрическая лампочка, приделанная под карнизом веранды, освещает палисадник, часть веранды, крыльцо и площадку перед крыльцом. Вверху, плотно занавешенное, тускло светится окно мезонина. Тень мелькнула в окне мезонина.

Со двора выходит Помигалов, садится на скамейку, которая находится в полутьме. Долго ничего не происходит и ничего не слышно, кроме далекого ровного рокота дизеля. Потом с той стороны, где находится дом Хороших, раздается голос Дергачева.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА (он напевает).

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

Помигалов поднимается и уходит во двор.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,

Наверху в окне снова мелькнула тень.

Вез я девушку тройкой почтовой...

Кашель Еремеева. Кашкина выходит на балкон. Потом появляется Хороших.

КАШКИНА. Анна Васильевна?.. Это вы?..

Хороших останавливается.

Не спите?

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,

ХОРОШИХ. Уснешь тут, как же... Голова кругом. Кассу закрыла или так оставила – не помню. (Не сразу.) А ты чего не спишь?

КАШКИНА (не сразу). Бессонница... Который час?

ХОРОШИХ. Второй. Четверть второго.

Обе молчат. Кашкина уходит к себе.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА. Это было давно...

Хороших поднимается на веранду, появляется Помигалов.

ПОМИГАЛОВ (приближаясь к веранде). Анна, ты, что ли?

ХОРОШИХ (испуганно). Я!.. Я, Федор Игнатьич... (Как бы оправдываясь.) Кассу, кажись, не закрыла, пришла проверить... А ты чего?

ПОМИГАЛОВ. Парень твой дома или нет?

ХОРОШИХ. Кто? Пашка-то?.. А я и не знаю... Он на сеновале ночует.

ПОМИГАЛОВ. Где Валентина?

ХОРОШИХ. Не знаю, Федор. Почему же мне знать?.. Может, на танцах? Наши, чулимские, в Ключи ушли. Еще не возвращались.

ПОМИГАЛОВ. По танцам она не ходит, тебе известно.
ХОРОШИХ. Где она – не знаю...

Пауза.

ПОМИГАЛОВ. А то смотрите... (Заходит во двор, тут же распахивает ворота, выкатывает мотоцикл на улицу, влево.)

Через мгновение треск мотоцикла раздается и удаляется. Почти в это же время с противоположной стороны улицы раздаются голоса Пашки и Валентины. Хороших открывает чайную и входит туда, но не закрывая за собой дверь и не зажигая света.

ГОЛОС ВАЛЕНТИНЫ. Уйди.

ГОЛОС ПАШКИ. Стой... Ну постой же! Ну послушай, че скажу...

ГОЛОС ВАЛЕНТИНЫ. Уйди.

ГОЛОС ПАШКИ. Не будь дурой, Валя... Ну до этого – ну ладно, ну а теперь-то чего?

Появляются: Пашка пятится перед Валентиной. Валентина идет прямая, глядя мимо Пашки.

Кофту возьми. (Сует ей кофту, она ее не берет.)

Кофта падает ей под ноги. Валентина на нее наступила. Пашка поднял кофту, накинул ее Валентине на плечи.

ВАЛЕНТИНА (сорвала с себя кофту, остановилась; с презрением, не оборачиваясь). Ко мне больше не подходи... Уезжай отсюда... (С угрозой.) Не уедешь – отцу расскажу. (Идет к своему двору.)

Пашка устремляется за нею, но появляется Хороших и окликает Пашку.

ХОРОШИХ. Павел!

Пашка останавливается и поворачивается к Хороших. Валентина у ворот своего дома в полутьме останавливается в нерешительности, а через мгновение безвольно опускается на скамейку. В продолжение последующего разговора Пашка и Хороших не замечают присутствия Валентины.

Ты че наделал?

ПАШКА (бодро). Все, мать. Завилась веревочка... Она моя.

ХОРОШИХ (угрюмо). Нет, Павел...

ПАШКА. Брось, мать. Это пустяки, это по-первости.

Небольшая пауза.

ХОРОШИХ. Дурак... Она тебя возненавидела...

ПАШКА. Молчи, мать. Все будет в норме.

ХОРОШИХ. И я бы тебя возненавидела... Я бы тебя...

(Подступает к Пашке.)

Наверху появляется Кашкина и, прислушавшись, спускается вниз.

ПАШКА (пятится). Спокойно, мать...

ХОРОШИХ (наступает). Я бы тебе...

ПАШКА (пятится). Мать, мать...

ХОРОШИХ. Слышал, че она тебе сказала?.. Завтра чтоб духу твоего здесь не было. Федор, он шутить с тобой не будет.

ПАШКА. Не боюсь я его... Делайте че хотите! Никого не боюсь!

ХОРОШИХ (толкает его). Уходи, Павел!

Оба исчезают. Кашкина появляется со двора.

КАШКИНА. Валя...

ВАЛЕНТИНА (не сразу). Чего вам?

КАШКИНА. Суди как хочешь... Вот записка. (Подает Валентине записку, та ее не принимает.) Тебе... От Владимира... Он написал ее утром. Я ее перехватила.

ВАЛЕНТИНА (не сразу). Что там написано?

КАШКИНА. Он ждал тебя здесь. В десять вечера... Он любит тебя...

Пауза. Валентина сидит неподвижно, глядя прямо перед собой.

Появляется Шаманов, подходит к скамейке. Небольшая пауза.

Кашкина, как стояла, не поворачиваясь, пошла по улице и исчезла в темноте.

ШАМАНОВ (мягко). А бог все-таки существует... Слышишь, Валентина? Когда я сюда подходил, я подумал: если бог есть, то сейчас я тебя встречу... Кто докажет мне теперь, что бога нет? (Сел рядом с ней, с чувством.) Я искал тебя... Ты слышишь?.. С десяти часов где я только не побывал... И чего я только не передумал... Валентина... Ведь утром я сказал тебе совсем не то...

Валентина, закрыв лицо руками, внезапно раздражается рыданиями.

(Поднимается со скамейки.) Валентина... Что с тобой?

Она рыдает.

Что случилось?.. Что случилось?..

Рыдания.

Успокойся... Успокойся... (Дотронулся рукой до ее плеча.) Что бы ни случилось – успокойся...

Из темноты появляется Пашка и неслышно приближается к скамейке.

Послушай меня... Что бы ни случилось – скажи слово, и я увезу тебя отсюда... (Взял ее за плечи.) Хочешь я тебя увезу?

Она прервала рыдания и впервые посмотрела ему в лицо.

Да, Валентина. Ты не знаешь, чем ты стала для меня за эти несколько часов... Понимаю, ты можешь мне не поверить... Но ты не знаешь, что со мной произошло. Я объясню тебе. Если можно объяснить чудо, то я попробую...

ПАШКА. Зря стараешься.

Шаманов оборачивается.

Все, следовательно. Твое дело – сторона... Ты опоздал.

Небольшая пауза. В это время раздается нарастающий

треск мотоцикла. Пашка и Шаманов стоят, готовые броситься друг на друга. Треск мотоцикла приближается.

ВАЛЕНТИНА (вдруг поднимается, кофтой вытирает слезы). Едет отец. Уходите.

Небольшая пауза.

ПАШКА. Уходи, следовательно... Не мешайся не в свое дело.

ВАЛЕНТИНА. Уходите оба.

Треск мотоцикла рядом, луч фары выхватывает всех троих из полутьмы. Затем мотоцикл глохнет, и к скамейке быстро подходит Помигалов,

ПОМИГАЛОВ (всем, грозно). Ну? Все молчат. (Валентине.) Где ты была?.. С кем?

ШАМАНОВ. Со мной. Она была со мной... Мы были в Потеряихе.

ПАШКА. Врешь! (Помигалову.) Я с ней был! Я!.. Он врет.

ШАМАНОВ. Она была со мной.

Пашка бросается на Шаманова, но Помигалов его осаживает.

ПОМИГАЛОВ. Стой!.. (Валентине.) Кто с тобой был?

ПАШКА (Валентине). Скажи!

ПОМИГАЛОВ. Говори! (Указывает на Пашку.) Этот?

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ПОМИГАЛОВ (указывая на Шаманова). Он?

ВАЛЕНТИНА. Нет.

Небольшая пауза.

Не верь им, отец. Они ждали меня здесь. Я была с Мечет-
киным... Успокойся...

Молчание.

Они здесь не при чем, пусть они не врут... И пусть... пусть
они больше ко мне не вяжутся.

Молчание.

Идем, отец... Идем домой...

Отдаленный стук дизеля прерывается и медленно умол-
кает. Лампочка под карнизом тускнеет и гаснет. Все погру-
жается в полную темноту.

Утро следующего дня

Половина девятого утра. На веранде все, кроме Валентины и ее отца.

Хороших в буфете. За ближним к буфету столиком сидит Пашка. У его ног стоит большой чемодан. Шаманов и Кашкина сидят за средним столиком, заканчивают завтрак.

За соседним столиком Мечеткин обставлен едой со всех сторон.

На ступеньках крыльца рядом сидят Дергачев и Еремеев. Еремеев укладывает свой мешок. Дергачев ему помогает. Некоторое время все молчат.

МЕЧЕТКИН (обращаясь не то к Шаманову, не то к Кашкиной). Этот самый дом (стучит пальцем по столу) строил купец Черных. И, между прочим, этому купцу наворожили (жует), наворожили, что он будет жить до тех пор, пока не достроит этот самый дом. (Пауза. Ест.) Вот, понимаете, до чего суеверие доходило. Когда он достроил дом, он начал его перестраивать. (Жует.) И всю жизнь перестраивал...

Молчание.

ДЕРГАЧЕВ. Зря ты, Илья. Остаться тебе надо.

ЕРЕМЕЕВ (качает головой). Тайга меня ждет. Ягода ждет, шишка ждет. Белка – тоже ждет... Зимой, однако, приду.

ДЕРГАЧЕВ. Смотри, Илья... Места для тебя всегда хватает.

ШАМАНОВ (поднимается, подходит к буфету. Взял телефон, снял трубку). Дайте милицию... Начальника... Добрый день. Шаманов... Скажите, есть у нас сейчас машина?... Нельзя ли подбросить меня к самолету?.. В город. Да, хочу выступить на суде... Да, завтра... Нет, я решил ехать... Нет, я поеду... Мне это надо. И не мне одному... Да... Спасибо...

Со двора выходит Валентина.

Хорошо... Спасибо... До свиданья. (Положил трубку.)

Все повернулись к Валентине. Тишина. Строгая, спокойная, она поднимается на веранду. Вдруг остановилась, повернула голову к палисаднику. Не торопясь, но решительно спускается в палисадник. Подходит к ограде, укрепляет доски.

Ворота распахиваются, появляется Помигалов с мотоциклом. Он останавливается и, как и все, молча наблюдает за Валентиной.

Валентина перешла к калитке палисадника. Налаживает калитку и, когда, как это случается часто, в работе ее происходит заминка, сидящий ближе всех к калитке Еремеев под-

нимается и помогает Валентине.

Тишина. Валентина и Еремеев восстанавливают палисадник.

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый вариант пьесы был написан специально для Московского академического театра им. Вл. Маяковского по договоренности с его главным режиссером А.А. Гончаровым. Однако ни этот, ни другой вариант на сцене театра поставлены не были. Пьеса закончена в начале 1971 г. Впервые опубликована в альманахе «Ангара» (1972, Э6) после гибели драматурга. Писатель Геннадий Николаев в своих воспоминаниях о Вампилове описывает события, связанные с публикацией этой пьесы:

«На мой взгляд, это была отличная пьеса, светлая, добрая, написанная с вампиловской пронзительной силой. Всем нам, я имею в виду редколлегию альманаха, хотелось, чтобы пьеса увидела свет именно в нашем альманахе, ибо это стало уже традицией, которой мы гордились: все главные пьесы Вампилова начинали свою дорогу в шумную театральную жизнь со страниц альманаха. Да просто потому, наконец, что это была великолепная пьеса! Но, увы, на ее пути встали непредвиденные трудности, которые в то время казались непреодолимыми.

Вампилов сидел на тахте, опершись подбородком о стиснутый кулак. После долгого раздумья он сказал:

– Слушай, неужели не ясно, о чем пьеса? Так обидно! И потом, ведь я написал Товстоногову, что пьеса принята. Они

уже разворачивают репетиции. Выходит, я трепач?

Утром мы с Марком Сергеевым были в обкоме партии и договорились с секретарем обкома Е.Н. Антипиным о проведении повторной, расширенной редколлегии по пьесе. Редколлегия была намечена на двадцать восьмое июня, ждать надо было еще двадцать пять дней, а пока... пока я мог только подарить Вампилову типографский оттиск пьесы, чтобы он послал его Товстоногову в знак того, что пьеса действительно принята редколлегией» (О Вампилове: Воспоминания и размышления // Вампилов А. Дом окнами в поле. С.595).

Первоначальное название – «Валентина». Вампилов вынужден был изменить название из-за того, что, пока пьеса, следуя участи всех вампиловских произведений, проходила многочисленные стадии утверждений, а точнее – неутверждений, стала широко известна пьеса М. Рощина «Валентин и Валентина», написанная позднее. Название было изменено на «Лето красное – июнь, июль, август...» Однако оно не удовлетворяло драматурга. Во время работы над своим первым однотомником (вышедшим в изд-ве «Искусство» уже после смерти автора) Вампилов дал пьесе «рабочее» название «Прошлым летом в Чулимске», которое и оказалось окончательным. Правда, О.М. Вампилова вспоминает, что последнее название нравилось Вампилову и, возможно, что на нем бы он и остановился, но теперь это уже из области догадок и предположений. Первое название – «Валенти-

на» – сохранилось в фильме, поставленном Г. Панфиловым («Мосфильм», 1981). Первая постановка пьесы в Москве состоялась в 1974 г. на сцене Театра им. М.Н. Ермоловой (режиссер В. Андреев). Тогда же «Чулимск» был поставлен в ленинградском БДТ им. М. Горького (режиссер Г. Товстоногов). Существует вариант финала пьесы, оканчивающийся самоубийством Валентины (в процессе подготовки пьесы для изд-ва «Искусство» автор отказался от этого финала):

«Появляются: Пашка перед Валентиной пятится, Валентина идет прямая, глядя мимо Пашки.

ПАШКА. Кофту возьми.

Он сует ей кофту, она ее не берет. Кофта падает ей под ноги. Валентина на нее наступила. Пашка посторонился, Валентина вошла во двор.

До завтра, Валя...

Пашка поднимает с земли кофту, замечает Хороших. Небольшая пауза.

ХОРОШИХ (негромко). Ты че наделал?

ПАШКА (бодро). Все, мать. Завилась веревочка... Она моя.

Небольшая пауза. Хороших угрюмо качнула головой:
врешь, не твоя.

ПАШКА. Брось, мать. Это пустяки, это по первости.

ХОРОШИХ. Она тебя возненавидела...

ПАШКА. Молчи, мать. Все будет в норме.

ХОРОШИХ. И я бы тебя возненавидела... Я бы тебя...

(Подступает к Пашке.)

ПАШКА (пятится). Спокойно, мать.

ХОРОШИХ (наступает). Я бы тебе...

ПАШКА(Пятится). Мать, мать.

Хороших остановилась, прислонилась к палисаднику.
Небольшая пауза.

ХОРОШИХ. Уходи, Павел.

Шаманов появляется со стороны, противоположной той,
откуда появились Пашка и Валентина.

ШАМАНОВ (подходит). Где Валентина?

ХОРОШИХ. Павел, уходи.

ШАМАНОВ. Что случилось? (Подступает к Пашке.) Где
Валентина?

Берет Пашку за грудки.

ХОРОШИХ (Шаманову). Отпустите его... Пусть он уходит.

ПАШКА (Шаманову). А ну, отцепись.

ШАМАНОВ. Где она?.. Что с ней?..

Снова голоса с улицы.

ГОЛОС ЕРЕМЕЕВА. Не нальет.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА. Посошок нальет.

ГОЛОС ЕРЕМЕЕВА. Не нальет.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА. Нальет, куда не денется.

Оба появляются.

ШАМАНОВ. Где она?

ПАШКА. Отцепись.

ШАМАНОВ. Говори или...

Со двора выбегает Помигалов с ружьем в руках. За ним, вцепившись в него, – Валентина.

Все поворачиваются к ним. Шаманов выпустил Пашку.

ВАЛЕНТИНА. Нет, папа!.. Не сме-ей!

Помигалов отшвырнул Валентину в сторону. Кашкина

выбегает на балкон.

ПОМИГАЛОВ. Где он? Где?.. Дай мне гада!

ХОРОШИХ. Беги!

ПОМИГАЛОВ. Не беги... Не убежишь.

Пашка замер, прижавшись к ограде палисадника. Кашкина, стоя на балконе, закрывает лицо руками. Так простоит она до последней реплики этой картины.

ХОРОШИХ (бросилась к Пашке, но Дергачев ее схватил). Не виноват он! Не виноват!

ПОМИГАЛОВ. Не подходи! Пристрелю любого, кто подойдет... Он получит, че заслужил. (Взводит курок.)

ШАМАНОВ (делает шаг в сторону Помигалова). Остановитесь!.. С Валентиной был я.

Помигалов на мгновение застывает.

Он не виноват. С ней был я.

ВАЛЕНТИНА (кричит). Не-ет!

Но секундного помешательства Помигалова достаточно для того, чтобы с одной стороны Еремеев, а с другой Дергачев подошли к нему и отняли у него ружье.

ШАМАНОВ. С ней был я. (Обращаясь к Валентине.) Валентина!.. (Остальным.) Мы... Я увезу ее отсюда.

ПАШКА. Врешь!.. Врет он! Не слушайте его! (Сорвался с места, бросился на Шаманова, но его схватили Хороших и Дергачев.)

ЕРЕМЕЕВ (с ружьем в руках, качая головой). В зверя можно стрелять, разве можно в человека? (Валентине.) На, спрячь. Подальше спрячь.

Валентина берет ружье сначала одной рукой, машинально, потом – крепко, двумя, и уходит во двор.

ПОМИГАЛОВ (Шаманову). Кто?.. Кто из вас? Он или ты?

ШАМАНОВ. Я. Валентина и я – мы отсюда уезжаем. Завтра же. (Всем.) Вам всем понятно?

ПАШКА. Врешь! (Всем.) Не он! Не он! Я! Я! Я!

Во дворе раздается выстрел. Тишина. Только стучит дилезель.

ВСЕ РАЗОМ. Валентина!

Стук прерывается – это перебой, и наступает темнота.

Утро следующего дня

На крыльце чайной. Сидят: Шаманов у калитки, на нижней ступеньке, на этой же ступеньке, слева, близко друг к другу – Пашка, Хороших и Дергачев. Пашка сидит, низко опустив голову и обхватив ее руками. Двумя ступеньками выше сидят – справа Еремеев, слева Кашкина. Со двора доносятся причитания старух.

ЕРЕМЕЕВ (сокрушается). Бумагу давал, ружье давал – разве думал, что так получится?.. (Не сразу.) В тайгу не попадаю, в свидетели попадаю...

Мечеткин выходит со двора от Помигаловых, на ходу надевая шляпу.

МЕЧЕТКИН (не сразу). Что же это, товарищи?.. Это подумать, как судьба распорядилась.

ДЕРГАЧЕВ. Мы виноваты... Все виноваты. Слышь, Павел...

Помигалов появляется, останавливается у своих ворот. За его спиной причитания становятся тише.

Все причастные. Все будем отвечать.

Старухи умолкают. Причитания их больше не слышны. Сопка за домом освещается первыми лучами солнца. Послышался лай собаки и где-то вдали ровное гудение мотора.

Шаманов поднимается, заходит в палисадник. При всеобщем молчании он восстанавливает ограду. Далее Шаманов переходит к калитке. С нею у него не выходит.

ШАМАНОВ (выпрямился). Помогите кто-нибудь.

С крыльца поднимаются все, кроме Пашки, который продолжает сидеть, опустив голову. К калитке подходит находившийся ближе всех Еремеев. Шаманов и Еремеев склоняются над калиткой.

Занавес

Т. Глазкова